

18+

Юрий

Драздов

Кровавый фарм-сервер: Эшафот

Юрий Драздов

Кровавый фарм-сервер: Эшафот

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Кровавый фарм-сервер: Эшафот / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Архитектор по имени Арт — блестящий стратег и манипулятор, обладающий уникальной способностью видеть слабости любого противника. Он построил Разрушенный Форпост, оплот порядка в хаосе Пантеона, но цена его власти — человеческие жизни, превращённые в переменные в холодных уравнениях. Когда его бывший соратник Виктор, чудовищно трансформированный в «Зеркало Уязвимостей», возвращается из Мёртвых Земель, чтобы отомстить, а ближайший помощник Скольд поднимает мятеж

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Возвращение с того света	6
Часть 1. Тишина перед бурей	7
Часть 2. Приближение	14
Часть 3. Диалог у ворот	17
Часть 4. Послесловие	21
Часть 1. Пересечение порога	27
Часть 2. Анатомия обвинения	31
Часть 3. Ультиматум	35
Часть 4. Последние часы перед Ареной	39
Глава 3. Заговор теней	42
Часть 1. Вакуум	43
— — Часть 2. Приглашение	46
— — Часть 3. Старый склад	49
— — Часть 4. Паутина	52
— — Часть 5. Кукловод	54
— — Часть 6. Охота	57
— — Часть 7. Правда	59
— — Часть 8. Противоядие	61
— — Часть 9. Финал отсчёта	62
Глава 4. Кодекс Слабостей	63
Часть 1. Наследие Архитектора	64
Часть 2. Анатомия знания	69
Часть 3. Системное вмешательство	72
Часть 4. Эффект разорвавшейся бомбы	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Кровавый фарм-сервер: Эшафот

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1015-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Возвращение с того света

Часть 1. Тишина перед бурей

Тишина над Разрушенным Форпостом стояла такая глубокая, что казалась осязаемой. Она не была похожа на ту тишину, что воцарялась после подавления бунта «Истинных», — напряжённую, звенящую от невысказанных обвинений и страха. Она не была похожа и на ту, что наступила после эксперимента с Осколком Пустоты, — измученную, истощённую, но наполненную тихим облегчением. Нет, эта тишина была иной. Она была похожа на затишье перед грозой, когда воздух сгущается до состояния желе, а каждый звук — скрип ставень, шаг часового, собственное дыхание — кажется оглушительно громким.

Арт стоял на восточной стене Форпоста и смотрел в Пустоши.

Серое небо над головой, уже несколько недель не менявшее своего оттенка, сегодня казалось особенно тяжёлым. Свинцовые тучи нависали над горизонтом, словно гигантская крышка гроба, которую кто-то медленно, неотвратно задвигал. Ветер, обычно гулявший по руинам с завываниями и стонами, стих. Даже падальщики — вездесущие твари, что всегда кружили над границами Форпоста, выжидая возможности поживиться падалью, — исчезли. Инстинкт, древний и безошибочный, гнал их прочь от этого места. Они чувствовали приближение чего-то, что было за пределами их понимания. Чего-то, что не вписывалось в привычную пищевую цепочку.

Арт активировал интерфейс и пробежался по системным сводкам. Шесть часов сорок три минуты утра. Температура воздуха — двенадцать градусов. Влажность — сорок один процент. Ветер — ноль метров в секунду. Атмосферное давление — падает. Все эти цифры были в пределах нормы, но его навык, даже работая в фоновом режиме, фиксировал аномалию. Что-то приближалось. Что-то, что искажало привычные вероятностные поля, создавая рябь в Системной Паутине, которую Арт теперь видел постоянно — как полупрозрачную карту, наложенную поверх реальности.

— Ты опять не спал, — раздался голос за спиной.

Айла. Она подошла бесшумно, как всегда, но Арт не вздрогнул. Он чувствовал её приближение — не слухом, не зрением, а тем новым, странным восприятием, которое появилось у него после эксперимента. Её присутствие в Системной Паутине было тёплым, золотистым свечением, которое пульсировало в такт её сердцебиению. Оно успокаивало его, даже когда он не хотел признаваться себе в этом.

— Я спал достаточно, — ответил он, не оборачиваясь.

— Ложь, — констатировала Айла и остановилась рядом с ним. — Я проверяла твои показатели час назад. Ты не спал уже третьи сутки. Разве что урывками, по полчаса.

— Полчаса — это достаточный минимум для поддержания когнитивных функций.

— Для обычного человека — нет. Для тебя — тем более. Твой мозг всё ещё восстанавливается после эксперимента. Каждый час бодрствования изнашивает его сильнее, чем раньше. Ты сам это знаешь.

— Я знаю, — признал Арт и наконец повернулся к ней.

Она стояла в нескольких шагах от него, одетая в свою обычную серую робу, поверх которой был накинут кожаный фартук с карманами для медицинских инструментов. Её волосы, тёмные и густые, были собраны в тугий узел на затылке. Лицо — бледное, с тонкими чертами, которые Арт знал лучше, чем своё собственное отражение. Глаза — холодные, серые, с тем самым несгибаемым огнём, который он видел в них каждый раз перед битвой.

Но сегодня он смотрел не на её лицо. Он смотрел на её руки.

Бинты наконец были сняты. Кожа на ладонях и пальцах зажила, но шрамы остались — розовые, свежие, блестящие на свету. Они напоминали карту притоков неизвестной реки: линии расходились от центра ладоней к запястьям, переплетаясь и ветвясь. Ожоги третьей степени, полученные, когда она схватила раскалённый Осколок Пустоты голыми руками, чтобы спасти его от смерти. Регенераторы и её собственные алхимические составы сделали всё возможное, но вернуть коже прежний вид было невозможно. Шрамы останутся навсегда.

Айла заметила его взгляд.

— Ты опять смотришь, — произнесла она с лёгкой иронией. — Это становится навязчивой привычкой, Архитектор.

— Я анализирую, — ответил он, отводя взгляд. — Это профессиональная необходимость.

— Анализируешь мои руки? И каковы результаты анализа?

— Функциональность восстановлена на девяносто семь процентов. Болевые ощущения при тактильном контакте снижены до приемлемого уровня. Мелкая моторика...

— Арт, — прервала она его, и в её голосе прозвучала усталость. — Прекрати.

Он замолчал. Айла редко называла его просто по имени. Обычно она использовала формальное «Архитектор» или нейтральное «ты». Имя — просто «Арт», без титулов и эпитетов — означало, что она обращается не к лидеру, не к пациенту, а к человеку, которого знала лучше, чем кто-либо.

— Ты не спал трое суток, — продолжила она, смягчая тон. — Ты стоишь на стене и смотришь в Пустоши, как будто можешь увидеть будущее невооружённым взглядом. Ты игнорируешь мои рекомендации, ты не даёшь себе отдыха, и ты... — она запнулась. — Ты пугаешь меня.

— Я пугаю тебя? — переспросил Арт, и в его голосе прозвучало искреннее удивление.

— Да. Потому что ты ведёшь себя так, будто уже всё решил. Будто исход predetermined. Будто ты смирился.

— Я не смирился, — ответил он и снова отвернулся к Пустошам. — Я готовлюсь.

— К чему?

— К тому, что приближается.

Айла подошла ближе и встала рядом с ним, опершись руками о каменный парапет. Их плечи почти соприкасались. Арт чувствовал тепло её тела — она всегда была теплее, чем он, словно жизнь в ней горела ярче, несмотря на все шрамы и ранения.

— Ты видишь его? — тихо спросила она.

— Пока нет. Но я чувствую. Мой навык... он работает не так, как раньше. Постоянный фон, который я не могу отключить. Я вижу Системную Паутину как прозрачную карту, наложенную на реальность. И на этой карте есть... возмущение. Рябь. Что-то движется через Пустоши с востока. Что-то, что искажает нити вокруг себя.

— Виктор.

— Да. Я уверен на девяносто четыре процента.

— Когда?

— Сложно сказать точно. Его скорость нестабильна. Он то ускоряется, то замедляется, словно... словно играет с нами. Или проверяет нашу реакцию. По моим оценкам, он достигнет Форпоста в течение ближайших двенадцати-восемнадцати часов. Возможно, раньше, если не будет останавливаться.

Айла помолчала, переваривая информацию. Её пальцы, покрытые шрамами, сжались на каменном парапете.

— Ты помнишь, что обещал мне? — спросила она наконец.

— Да. Я обещал не сдаваться без боя.

— И ты сдержишь это обещание?

— Да.

— Тогда я спокойна.

Она повернулась и пошла прочь, но у лестницы остановилась и бросила через плечо:

— Я буду в лаборатории. Готовлю кое-что. Не забивай свою красивую голову.

Арт проводил её взглядом. Он знал, что она работает над контрмерами против навыка Виктора. Дымовая завеса на основе энергии Бездны, которая могла блокировать визуальный контакт и, следовательно, ослабить «Зеркало Уязвимостей». Она не говорила ему всех деталей, но он доверял её профессионализму. Если кто-то и мог найти способ нейтрализовать преимущество Виктора, то это была она.

Он снова повернулся к Пустошам и активировал «Детерминированный анализ» на минимальной мощности. Системная Паутина развернулась перед его внутренним взором — бесконечная сеть из светящихся нитей, каждая из которых была причиной или следствием. Большинство нитей были синими — стабильными, предсказуемыми. Но на восточном горизонте, там, где начинались Мёртвые Земли, пульсировало багровое пятно. Оно медленно, но неотвратно приближалось к Форпосту, оставляя за собой след из разорванных и искажённых нитей.

Арт смотрел на это пятно и думал о том, что будет дальше. Его предсказание, сделанное во время резонанса с Осколком Пустоты, было неумолимо: вероятность его смерти от руки Виктора — девяносто семь процентов. Три процента шанса на выживание. Три процента — это почти ноль. Но «почти» не означает «абсолютно». Пока есть хоть малейшая вероятность, он будет бороться.

Он обещал ей.

Рассвет медленно разгорался над Пустошами — насколько слово «рассвет» вообще было применимо к этому месту, где солнце никогда не показывалось из-за туч, а серый свет просто становился чуть менее серым. Арт спустился со стены и направился в общий зал таверны. Там уже собрались ключевые офицеры — Корд, Рун, Марга, Эли, Шен и, конечно же, Скольд, который, несмотря на бледность и слабость после ранения, ни за что не согласился бы пропустить военный совет.

— Докладывайте, — произнёс Арт, занимая своё место за центральным столом.

Шен выступил из тени — его обычная манера появляться, когда никто не ожидает. В руках он держал несколько пергаментных лент с данными от разведчиков.

— Сенсоры на восточном периметре зафиксировали одиночную сигнатуру, — начал он, и его голос, обычно спокойный и бесстрастный, прозвучал напряжённо. — Объект движется пешком, но скорость... она нечеловеческая. Он покрыл расстояние от Мёртвых Земель до границы сектора за время, которое обычному игроку потребовало бы недели. Сенсоры, через которые он проходит, отключаются. Не выходят из строя — именно отключаются. Словно их магические каналы временно перегорают от перегрузки.

— Это он, — мрачно произнёс Корд, опираясь на свой топор. — Виктор.

— Да, — подтвердил Арт. — Я отслеживаю его через Системную Паутину. Он будет здесь в течение ближайших двенадцати часов. Возможно, раньше.

— Тогда нужно готовить засаду, — немедленно предложил Рун, сжимая «Дробильщик». — Мобильная группа встретит его на подходе. Мы можем устроить ловушку в старых руинах у восточной дороги. Я и Корд возьмём...

— Нет, — холодно перебил его Арт.

— Что «нет»? — не понял Рун.

— Никаких засад. Никаких мобильных групп. Никаких попыток перехвата.

В зале повисла тишина. Все смотрели на Арта с недоумением. Это было не похоже на него. Архитектор всегда предпочитал атаковать первым, навязывать свою волю, диктовать условия боя. А теперь он приказывал ждать?

— Объясни, — коротко потребовал Корд.

Арт активировал голографическую карту, и перед собравшимися развернулась панорама сектора. Восточная граница, отмеченная жёлтыми и оранжевыми маркерами, пульсировала тревожным светом.

— Виктор — не обычный противник, — начал Арт, и его голос прозвучал холодно, отстранённо, словно он читал лекцию. — Его навык, «Зеркало Уязвимостей», позволяет ему видеть слабости любого, кто находится в поле его зрения, и обращать их против носителя. Если вы атакуете его, он увидит ваши уязвимости — физические, магические, психологические — и использует их. Любая атака против него — это самоубийство. Единственный способ победить — заставить его сражаться на наших условиях.

— И каковы же наши условия? — спросила Марта, скрестив руки на груди.

— Мы встретим его здесь, в Форпосте, — ответил Арт и увеличил изображение центральной площади. — Я подготовил многослойную ловушку. Когда он войдёт, мы активируем дымовую завесу — новую разработку Айлы на основе энергии Бездны. Завеса блокирует визуальный контакт и искажает магическое сканирование. Внутри неё его навык потеряет точность. Затем мы ударим одновременно с нескольких направлений, не давая ему времени на анализ.

— А если он не войдёт? — спросил Шен. — Если он останется снаружи и будет ждать?

— Тогда мы будем ждать его, — холодно ответил Арт. — У нас есть припасы, укрепления и время. Он — одиночка в Пустошах. Рано или поздно ему придётся либо войти, либо уйти. В любом случае, мы готовы.

— А если завеса не сработает? — подал голос Скольд, нервно теребя свои бумаги. — Если его навык окажется сильнее, чем мы предполагаем?

— Тогда у нас есть запасной план. Под Форпостом находится сеть старых канализационных коллекторов. Узкие, тёмные, с плохой вентиляцией. Идеальное место для использования дымовой завесы. Мы заманим его туда и встретим на своих условиях.

В зале снова повисла тишина. Все обдумывали его слова. Арт смотрел на своих людей — на Корда, чьё лицо было мрачным и решительным, на Руна, который сжимал топор с такой силой, что побелели костяшки, на Марту и Эли, чьи позы выдавали напряжение, на Шена, который, казалось, растворился в тенях, — и думал о том, что они заслуживают знать правду. Всю правду, какой бы горькой она ни была.

— Есть ещё кое-что, — произнёс он, и его голос стал тише. — Я провёл предсказание исхода битвы с Виктором. Результаты... неутешительны.

— Что ты увидел? — спросила Марта.

— Свою смерть. Вероятность — девяносто семь процентов.

Тишина стала оглушительной. Даже «Сердце Змеи» в своём контейнере, казалось, пульсировало тише, словно боялось нарушить этот момент. Рун выругался сквозь зубы. Корд сжал топор ещё сильнее, и его костяшки побелели. Эли закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Только Марта осталась неподвижной — она уже знала, и её лицо выражало лишь холодную, сосредоточенную решимость.

— Девяносто семь процентов, — повторил Скольд, и его голос дрогнул. — Это... это почти наверняка.

— Почти, — подтвердил Арт. — Но не наверняка. У нас есть три процента шанса изменить исход. И я намерен использовать эти три процента по максимуму.

— Как? — спросил Корд.

— Подготовка. Информация. Тактика. И вы. — Арт обвёл взглядом своих офицеров. — Я просчитал десятки сценариев. В тех сценариях, где я сражаюсь один, моя смерть практически неизбежна. Но в тех сценариях, где я сражаюсь вместе с вами, шансы повышаются. Не намного — но достаточно, чтобы попытаться. Поэтому я прошу вас: будьте готовы. Не к лёгкой победе — к тяжёлому, кровавому бою, в котором любой из нас может умереть. Но если мы будем действовать как единое целое, у нас есть шанс.

— Мы готовы, — мрачно ответил Корд, и остальные закивали. — Мы с тобой до конца, Архитектор.

Арт кивнул и отключил голограмму. Совет закончился. Офицеры разошлись по своим постам, чтобы провести последние приготовления. В зале остались только Арт и Айла, которая всё это время молча стояла у стены.

— Ты сказал им не всё, — произнесла она, когда дверь за последним офицером закрылась.

— Я сказал им достаточно, — ответил Арт.

— Ты не сказал им, что будешь на передовой. Ты сказал, что будешь координировать действия через канал связи. Но я знаю тебя, Арт. Ты будешь на площади. Ты будешь сражаться вместе с ними.

— Ты права, — признал он после короткой паузы. — Я не могу прятаться за их спинами. Виктор пришёл за мной. Если я не встречу его лицом к лицу, он уничтожит Форпост, чтобы добраться до меня.

— Ты можешь умереть.

— Я знаю. Но я уже видел свою смерть. И в этом видении я сражался. Не прятался. Не убегал. Сражался. И это дало мне... — он запнулся, подбирая нужное слово. — Это дало мне покой. Станный, извращённый покой. Словно я наконец принял то, что не мог принять

раньше: я смертен. Я не бог. Я не машина. Я — человек, который может умереть. И в этой смертности есть своя... свобода.

Айла подошла к нему и взяла за руку. Её пальцы, покрытые шрамами, сжали его ладонь.

— Если ты умрёшь завтра, — прошептала она, — я этого не переживу. Не как врач, не как стратег, не как тень Архитектора. Просто как женщина, которая любит тебя. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — ответил Арт и сжал её руку в ответ. — Поэтому я буду бороться до конца. Ради тебя.

Часть 2. Приближение

Утро пятьдесят девятого дня после подавления бунта «Истинных» (Арт всё ещё вёл счёт дням, хотя это становилось всё более бессмысленным) началось с доклада от Шена. Разведчик появился в кабинете Архитектора, когда серый свет за окнами только начинал пробиваться сквозь вездесущий туман.

— Он на границе сектора, — коротко доложил Шен, кладя на стол несколько пергаментных лент. — Прошёл через старый аванпост «Связных» час назад. Сенсоры зафиксировали его сигнатуру, но, как и раньше, через несколько минут отключились. Мы потеряли ещё три наблюдательных поста.

— Потери среди личного состава? — спросил Арт, не отрываясь от голографической карты.

— Нет. Он не атакует. Просто проходит мимо. Но мои люди... они напуганы. Те, кто находился рядом с ним, говорят, что чувствовали что-то странное. Не боль, не страх — скорее, опустошённость. Как будто само их присутствие в этом мире теряло смысл.

— Это его навык, — тихо произнесла Айла, которая стояла у окна, скрестив руки на груди. — «Зеркало Уязвимостей». Он не просто видит слабости — он заставляет людей осознавать их. Это деморализует.

— Именно, — подтвердил Арт. — Поэтому мы не будем вступать с ним в бой до того, как он войдёт в Форпост. Шен, отзови всех разведчиков с восточного направления. Пусть они займут позиции на стенах. Мы встретим его здесь.

— Принято, — ответил Шен и исчез так же бесшумно, как появился.

Арт активировал голограмму и снова изучил карту сектора. Багровое пятно, обозначавшее Виктора, миновало границу и теперь двигалось по направлению к Форпосту. Его скорость выросла. Если он сохранит этот темп, он достигнет стен через три-четыре часа.

Три-четыре часа до битвы, которая решит всё.

Арт отключил голограмму и повернулся к Айле.

— Как продвигается работа над завесой? — спросил он.

— Восемь ампул готовы, ещё четыре будут к вечеру, — ответила она. — Этого хватит на несколько часов непрерывного боя. Но есть проблема: завеса эффективна только в замкнутом пространстве или при отсутствии ветра. Если Виктор откажется входить в Форпост и останется снаружи, ветер может рассеять дым.

— Значит, мы должны заставить его войти.

— Как?

Арт задумался. Виктор был умён. Он не был безрассудным берсерком, который бросается в бой, не думая. В прошлом он был стратегом — не таким гениальным, как сам Арт, но достаточно компетентным, чтобы понимать: входить в укреплённый Форпост, где его ждёт ловушка, — плохая идея. Значит, нужно было дать ему причину войти. Причину, которая перевесит осторожность.

— Я, — произнёс Арт. — Я буду приманкой. Если он увидит, что я один, без охраны, стоящий в центре площади, он не устоит. Он захочет встретиться со мной лицом к лицу. Это его главная цель — не уничтожить Форпост, а отомстить мне.

— Это слишком опасно, — немедленно возразила Айла. — Ты сам говорил: в прямом столкновении твои шансы на победу минимальны.

— Поэтому прямого столкновения не будет. Я встречу его, заговорю с ним, заставлю его сосредоточиться на мне. А в это время вы активируете завесу и нанесёте удар с флангов.

Айла долго молчала, глядя ему в глаза. Затем она медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Но я буду рядом. Всё время.

Прошло три часа. Арт стоял на стене Форпоста и смотрел на восток. Вокруг него собрались все, кто должен был участвовать в обороне. Корд, чья броня была усилена дополнительными рунами защиты. Рун, чей «Дробильщик» был заточен до бритвенной остроты. Марта и Эли, командовавшие флангами. Шен и его разведчики, занявшие позиции на крышах с луками и дротиками, пропитанными самыми сильными ядами. И Айла — она стояла рядом с Артом, сжимая в руках небольшой футляр с ампулами дымовой завесы.

Внизу, на центральной площади, были рассредоточены ополченцы и контрактники. Они знали, что от них требуется: активировать ловушки по сигналу и не вступать в прямой бой с противником. Их главной задачей было выжить и обеспечить поддержку.

Арт активировал «Детерминированный анализ» и сосредоточился на приближающейся сигнатуре. Багровое пятно на Системной Паутине пульсировало всё ярче. Виктор был уже близко. Очень близко.

— Вижу его, — тихо произнёс Шен через канал связи. — Двести метров. Приближается.

Арт поднял голову и посмотрел в указанном направлении. Сначала он не видел ничего, кроме серой мглы и клубов пепла, поднимаемых ветром. Но затем из тумана начала выступать фигура. Человеческая. Одинокая. Движущаяся медленно, размеренным шагом, словно она прогуливалась по парку, а не шла через мёртвые земли навстречу своей судьбе.

Это был Виктор. И он был совсем не похож на того Виктора, которого Арт помнил.

Тот Виктор, который покинул Форпост несколько недель назад, был сломленным, измождённым изгнанником в потрёпанном офицерском мундире. Его лицо было серым от усталости, а в глазах застыла боль предательства. Новый Виктор был... иным.

Его тело, покрытое лохмотьями того самого мундира, было испещрено шрамами. Но это были не обычные шрамы. Они напоминали застывшие молнии — разветвлённые линии, которые расходились от груди к плечам и дальше, к рукам, создавая узор, похожий на руническую вязь. Эти шрамы слабо светились — тем же багровым светом, что и его сигнатура в Системной Паутине.

Самым страшным были его глаза. Они больше не были человеческими. Вместо зрачков в них пульсировал холодный, неестественный свет — не белый, не голубой, а какой-то искажённый, словно отражение в кривом зеркале. Когда Виктор моргал, свет не гас, а лишь слегка менял оттенок.

От него исходил слабый, болезненный гул — низкочастотная вибрация, которая не воспринималась ухом, но ощущалась всем телом. Алхимические горелки на стенах начинали мерцать, когда Виктор проходил мимо. Металл доспехов вибрировал. У некоторых бойцов начинала кружиться голова без видимой причины.

— Силы небесные, — прошептал Корд, и в его голосе, впервые за долгое время, прозвучал настоящий страх.

— Всем сохранять спокойствие, — приказал Арт через общий канал. — Не атаковать без моего сигнала.

Виктор остановился у ворот Форпоста. Он не пытался их открыть и не требовал, чтобы его впустили. Он просто стоял, глядя на стены перед собой. Его светящиеся глаза медленно обводили силуэты защитников, задерживаясь на каждом на долю секунды — достаточно, чтобы человек почувствовал, как его слабости обнажаются перед этим нечеловеческим взглядом.

Один из ополченцев, молодой парень, которого Арт помнил по тренировкам с Руном, не выдержал. Его руки дрогнули, и стрела, сорвавшаяся с тетивы, устремилась к Виктору.

— Нет! — крикнул Арт, но было поздно.

Стрела не долетела до цели. Она застыла в воздухе в метре от груди Виктора, словно наткнувшись на невидимую стену. Затем, без какого-либо видимого усилия со стороны Виктора, она развернулась на сто восемьдесят градусов и полетела обратно с той же скоростью. Ополченец вскрикнул и отшатнулся, но стрела не убила его — она вонзилась в плечо, в ту же точку, куда он целил Виктору. Это была не атака, а предупреждение. Или, скорее, демонстрация принципа: всё, что вы сделаете мне, вернётся к вам.

— Открыть ворота, — холодно приказал Арт.

— Архитектор... — начал Корд.

— Это приказ.

Массивные створки ворот, усиленные металлом и магическими рунами, медленно разошлись в стороны. Виктор не двинулся с места. Он стоял и смотрел, как ворота открываются перед ним. Затем его губы искривились в улыбке — холодной, лишённой эмоций, — и он шагнул внутрь.

Часть 3. Диалог у ворот

Виктор вошёл во двор Форпоста и остановился. Его светящиеся глаза обвели собравшихся — Корда, стоявшего у входа в таверну с топором наготове, Руна, сжимавшего «Дробильщик» так, что побелели костяшки, Марту и Эли, командовавших флангами, Шена, прятавшегося в тени. Никто из них не двинулся. Все ждали, что будет дальше.

Арт спустился со стены и вышел навстречу Виктору. Он остановился в десяти метрах от него — достаточно близко, чтобы видеть каждую деталь его изуродованного лица, но достаточно далеко, чтобы Айла могла активировать завесу, если что-то пойдёт не так. Айла шла рядом с ним, чуть позади и слева, держа наготове ампулу с дымовой завесой.

— Виктор, — произнёс Арт, и его голос, усиленный системным каналом, разнёсся по двору. — Ты вернулся.

Виктор посмотрел на него. Этот взгляд был тяжёлым, давящим, словно сама реальность сжималась под его давлением. Арт чувствовал, как его навык автоматически пытается проанализировать стоящего перед ним человека, но данные, которые он получал, были противоречивыми. Системная Паутина вокруг Виктора была искажена до неузнаваемости — нити рвались, переплетались в невозможные узлы, дрожали и вибрировали. Его сигнатура была похожа не на игрока, а на... пробел. Лакуну. Дыру в реальности, которая каким-то образом обрела форму человека.

— Архитектор, — ответил Виктор, и его голос прозвучал глухо, с лёгким металлическим эхом, словно доносился из глубины колодца. — Ты послал меня умирать. Ты просчитал мою смерть как неизбежную переменную в своём уравнении. Ты просчитался.

— Я знаю, — ответил Арт, и это признание далось ему труднее, чем любое сражение. — Я недооценил тебя. Это была ошибка.

— Ошибка? — Виктор усмехнулся, и в его смехе не было ничего человеческого. Это был звук, похожий на скрежет металла. — Ты называешь это ошибкой? Ты, Архитектор, который никогда не ошибается? Ты, чей разум может просчитывать будущее с вероятностью, близкой к абсолютной? Нет, это была не ошибка. Это был выбор. Ты выбрал мою смерть, потому что так было удобнее. Потому что я представлял потенциальную угрозу. Не реальную — потенциальную. Ты убил меня из-за вероятности. И жил с этим, не теряя сна.

Арт молчал. Его «Анестезия» надёжно блокировала эмоции, но она не могла блокировать осознание. Виктор был прав. Он действительно пожертвовал Виктором не из-за того, что тот сделал, а из-за того, что тот мог сделать. Это был холодный, рациональный, абсолютно безжалостный расчёт — тот самый, который сделал его Архитектором.

— Ты не ответил, — произнёс Виктор, и его голос стал тише, почти интимным. — Ты чувствуешь вину?

— Да, — честно ответил Арт. — Чувствую. Но это не меняет того факта, что сейчас ты — враг моего порядка. И если ты попытаешься разрушить то, что я построил, я уничтожу тебя.

— Ты попытаешься, — поправил его Виктор и сделал шаг вперёд. Никто не двинулся с места, но напряжение во дворе возросло стократно. — Но сначала я хочу, чтобы ты понял. Понял, что со мной сделали Мёртвые Земли. Понял, что я стал не по своей воле. Понял, что ты создал меня.

Он протянул руку вперёд, и воздух вокруг его ладони начал искажаться. Арт увидел, как нити Системной Паутины вокруг этой руки рвутся и скручиваются, образуя что-то вроде воронки.

— Твой навык, «Анализ слабости», — продолжил Виктор, и его голос стал почти лекционным, — позволяет тебе видеть уязвимости и эксплуатировать их. Ты находишь слабое место и бьёшь туда. Мой навык... он иной. «Зеркало Уязвимостей». Я не ищу слабости. Я просто смотрю — и вижу их. И всё, что я вижу, я могу отразить обратно.

Он перевёл взгляд на Корда.

— Ветеран. Твой страх — не оправдать доверия. Ты боишься, что однажды твоя рука дрогнет, и твой топор не сможет защитить тех, кто идёт за тобой. Этот страх делает твою правую руку уязвимой — ты слишком сильно сжимаешь оружие, и это замедляет твою реакцию.

Корд побледнел, но не отвёл взгляда.

Виктор перевёл взгляд на Руна.

— Берсерк. Твой страх — стать бесполезным. Ты боишься, что однажды твоя сила покинет тебя, и ты станешь обузой. Этот страх делает тебя предсказуемым — ты всегда атакуешь первым, не дожидаясь приказа, чтобы доказать свою полезность.

Рун прорычал что-то нечленораздельное, но не двинулся с места. Дисциплина, вбитая в него Архитектором, пересилила ярость.

Затем Виктор перевёл взгляд на Айлу. На мгновение его светящиеся глаза задержались на ней дольше, чем на остальных.

— Врач. Твоя слабость... — он замолчал, и его голос стал ещё тише. — Интересно. У тебя одиннадцать процентов риска. Но этот риск — не здесь и не сейчас. Он — в нём. Его страх за тебя. Ты — его главная уязвимость. И он знает это.

Айла не отступила. Она стояла, выпрямившись, сжимая в одной руке футляр с ампулами, а другой — эфес «Шёпота смерти». Её лицо было холодным и отстранённым, но Арт видел, как побелели костяшки её пальцев, сжимавших клинок.

— Ты закончил? — холодно спросила она.

— Я только начал, — ответил Виктор и снова повернулся к Арту. — Видишь, Архитектор? Я стал тем, что ты ненавидишь больше всего. Я стал зеркалом. Я не создаю — я отражаю. Я не атакую — я показываю. И всё, что я показываю, — это правда. Твоя правда. Твои слабости. Твои грехи.

— Ты стал монстром, — произнёс Арт, и его голос был холоден как лёд.

— Монстром? Возможно. Но кто меня создал? Кто отправил меня в Мёртвые Земли, зная, что я там умру? Кто просчитал мою смерть и счёл её приемлемой ценой за стабильность своего драгоценного порядка? Ты, Архитектор. Ты создал меня. Так смотри теперь на своё творение.

Он раскинул руки в стороны, и его шрамы вспыхнули багровым светом. Воздух вокруг него задрожал, и все, кто находился во дворе, почувствовали, как их слабости — те самые, которые Виктор только что назвал, — стали острее, болезненнее, реальнее. Корд почувствовал, как его правая рука онемела. Рун ощутил прилив слабости, который на мгновение лишил его силы. Даже Арт, защищённый «Анестезией», почувствовал, как его страх за Айлу — тот самый, который он так долго подавлял, — поднимается из глубины сознания.

— Вот чему я научился в Мёртвых Землях, — произнёс Виктор, опуская руки. — Ты думал, что я умру. Ты просчитал вероятность моей смерти как девяносто восемь процентов. Но я выжил. Я полз через соль и пепел, когда мои ноги отказали. Я ел падаль, когда не было другой еды. Я пил собственную кровь, когда не было воды. И Система... Система смотрела на меня. Она видела, как я отказываюсь умирать вопреки всем её расчётам. И она... заинтересовалась.

— Система дала тебе этот навык? — спросил Арт.

— Не дала. Навязала. Она увидела во мне потенциал — потенциал стать противовесом тебе. Ты был аномалией, ошибкой в коде, которую Система не могла исправить. И она решила создать другую аномалию, которая могла бы тебя нейтрализовать. Меня.

— Значит, ты — инструмент Системы.

— Я — твоё отражение, Архитектор. Инструмент? Возможно. Но в отличие от тебя, я знаю, кто я такой. Я не строю иллюзий. Я не притворяюсь, что создаю порядок из хаоса. Я просто делаю то, для чего был создан: показываю правду. И правда в том, что ты уязвим. Твоя империя уязвима. Твой порядок уязвим. И я здесь, чтобы это доказать.

— Чего ты хочешь? — спросил Арт, и это был не вопрос, а требование.

— Я хочу, чтобы ты страдал, — просто ответил Виктор. — Не быстро, не легко. Я хочу, чтобы ты увидел, как всё, что ты построил, рушится. Я хочу, чтобы ты смотрел, как твои люди погибают, зная, что ты не можешь их защитить. Я хочу, чтобы ты почувствовал ту же боль, которую чувствовал я, когда ты отправил меня умирать. И только потом, когда ты потеряешь всё, я позволю тебе умереть.

По двору пробежал ропот. Кто-то из ополченцев всхлипнул. Рун шагнул вперёд, но Корд удержал его за плечо. Арт не шелохнулся. Его лицо было холодным и отстранённым, как всегда, но внутри — там, где «Анестезия» не могла полностью заглушить эмоции, — пульсировало что-то, похожее на отчаяние. Не страх за себя. Страх за них. За Айлу. За Корда. За всех, кто стоял сейчас во дворе, ожидая его приказа.

— Ты не получишь этого, — произнёс он наконец.

— Посмотрим.

Виктор повернулся и медленно, очень медленно, направился к выходу из Форпоста. Он не атаковал. Он не угрожал. Он просто уходил — так же внезапно, как появился.

— Я буду ждать снаружи, — бросил он через плечо. — Я не буду штурмовать твои стены, Архитектор. Я не буду убивать твоих людей без необходимости. Но рано или поздно ты выйдешь ко мне. Потому что ты не можешь прятаться вечно. Потому что твоя гордость не позволит тебе отсиживаться в норе, пока я стою у твоих ворот. И когда ты выйдешь — мы закончим то, что начали.

Он дошёл до ворот и остановился, обернувшись.

— Твоя оборона — иллюзия. Твои люди — зеркала, отражающие твой страх. Я приду, когда ты будешь меньше всего готов. Не для битвы. Для урока.

И с этими словами он вышел в Пустоши и исчез в серой мгле.

Часть 4. Послесловие

Тишина, воцарившаяся во дворе, была не просто отсутствием звуков — она была физически ощутимой. Люди стояли, замерев, не в силах пошевелиться, словно их тела всё ещё находились под действием того странного, давящего гула, что исходил от Виктора.

Первым нарушил молчание Рун. Он выдохнул сквозь зубы длинное, витиеватое ругательство, которое в любой другой ситуации вызвало бы смех. Сейчас никто даже не улыбнулся.

— Что это было? — спросил он, опуская «Дробильщик». Его лицо было бледным, а руки всё ещё дрожали.

— Демонстрация силы, — ответил Корд и мрачно посмотрел на Арта. — Он мог убить нас всех. Но не стал. Почему?

— Потому что это не его цель, — произнёс Арт, и его голос прозвучал глухо, почти безжизненно. — Его цель — не убить. Его цель — сломать. Он хочет, чтобы мы боялись. Чтобы мы сомневались. Чтобы мы видели свои слабости и не могли от них избавиться. Это оружие страха. И оно работает.

Он обвёл взглядом своих людей. Корд, который всегда был скалой, теперь выглядел неуверенно. Рун, который никогда не боялся смерти, дрожал. Марта и Эли, чьи лица обычно не выражали эмоций, были бледны. Скольд, стоявший в дверях таверны, прижимал бумаги к груди и смотрел на Арта с ужасом. И Айла...

Айла смотрела ему прямо в глаза. Её лицо было бледным, но в нём горела та самая негибкая решимость, которую он видел перед каждой битвой. Она не боялась — или, по крайней мере, не позволяла страху парализовать себя.

— Нужно собрать совет, — произнесла она. — Сейчас же. Мы должны обсудить то, что узнали.

— Да, — согласился Арт. — Через час в общем зале. Все старшие офицеры.

Он повернулся и направился к таверне. Айла последовала за ним.

В кабинете Арт сел за свой стол и закрыл глаза. Его тело, которое во время разговора с Виктором держалось исключительно на силе воли, теперь дало знать о себе. Мышцы ныли. В висках пульсировала тупая, ноющая боль — верный признак того, что его мозг, всё ещё восстанавливающийся после эксперимента, был перегружен. И его «Анестезия», которая надёжно блокировала страх и тревогу, сейчас работала на пределе, потому что эмоции, которые Виктор вызвал своим присутствием, были слишком сильны для полного подавления.

Айла стояла у двери, скрестив руки на груди.

— Ты в порядке? — спросила она, и это был не дежурный вопрос врача.

— Да, — солгал Арт.

— Ты лжёшь. — Она подошла ближе и села в кресло напротив. — Твой пульс учащён. Твоя ментальная энергия упала до тридцати восьми процентов. Твои нейронные связи демонстрируют признаки острого стресса. Ты не в порядке.

— Я буду в порядке, — поправил он. — Как только мы убьём Виктора.

— Если мы убьём Виктора, — тихо произнесла Айла. — Ты сам сказал: девяносто семь процентов за то, что ты умрёшь.

— Я помню.

— Тогда почему ты так спокоен? — спросила она, и в её голосе прозвучала смесь раздражения и восхищения. — Ты только что встретился лицом к лицу с собственной смертью. Ты видел, что он может сделать. Ты знаешь, что в прямом бою у тебя почти нет шансов. И ты сидишь здесь, спокойный как удав, и говоришь «я буду в порядке». Как? Как ты это делаешь?

Арт открыл глаза и посмотрел на неё.

— Потому что я уже видел свою смерть, — ответил он. — Не как абстрактную вероятность, а как конкретную картинку. Я видел, как Виктор убивает меня. Я видел, как ты пытаешься его остановить. Я видел лица Корда и Руна, когда они понимают, что проиграли. Я пережил свою смерть сотни раз в своих расчётах, пытаюсь найти сценарий, в котором выживу. И я нашёл только один.

— Какой? — прошептала Айла.

— Тот, в котором ты рядом, — просто ответил он. — Во всех остальных сценариях я умираю. Но в этом — в том, где ты сражаешься со мной, где ты используешь свою завесу, где ты не отступаешь, — вероятность моей смерти снижается до... меньшего значения.

— Насколько меньшего?

— Этого достаточно, — уклончиво ответил он. — Не спрашивай о цифрах. Просто знай: пока ты рядом, у меня есть шанс.

Айла долго молчала, глядя на него. Затем она медленно встала, обошла стол и остановилась перед ним. Положила руки ему на плечи — свои покрытые шрамами руки, которые спасли ему жизнь.

— Тогда я буду рядом, — сказала она. — Всегда.

Он накрыл её ладонь своей.

— Я знаю.

В общем зале таверны собрались все ключевые фигуры. Корд, Рун, Марта, Эли, Шен, Скольд и Айла — каждый из них выглядел так, словно только что пережил битву, хотя битвы ещё не было. Воздух был тяжёлым, пропитанным страхом и неуверенностью. Арт стоял у цен-

трального стола, опираясь на него обеими руками, и его лицо, освещённое голубоватым светом голограммы, казалось высеченным из камня.

— Мы встретились с врагом, — начал он, обводя взглядом собравшихся. — Не в бою — в диалоге. Но это не меняет сути. Виктор — угроза, равной которой мы не видели. Его навык, «Зеркало Уязвимостей», позволяет ему видеть и эксплуатировать наши слабости. Он знает наши страхи. Он знает наши уязвимости. И он намерен использовать это, чтобы разрушить нас изнутри.

— Тогда что мы будем делать? — спросил Корд, и его голос прозвучал мрачно, но твёрдо.

— Мы будем готовиться, — ответил Арт. — Айла разработала дымовую завесу, которая блокирует его визуальный контакт и ослабляет его навык. Мы используем это в бою. Мы заманим его в ловушку — либо на центральной площади, либо в подземных коллекторах. Мы ударим одновременно с нескольких направлений, не давая ему времени на анализ. Мы будем сражаться не как герои, а как единая машина, каждый элемент которой знает свою роль.

— А ты? — спросила Марта. — Какова твоя роль?

Арт посмотрел на неё.

— Я буду приманкой, — ответил он. — Виктор пришёл за мной. Его главная цель — не уничтожить Форпост, а отомстить мне. Если я предложу ему бой один на один, он не устоит. А пока он будет сфокусирован на мне, вы нанесёте удар.

— Это самоубийство! — воскликнул Рун.

— Это стратегия, — холодно возразил Арт. — Рискованная, но единственная, которая даёт нам шанс на победу. Я не собираюсь умирать. Я намерен использовать каждое преимущество, каждую уязвимость, которую мы сможем найти. Но для этого мне нужна ваша помощь. Мне нужно, чтобы вы были готовы. Мне нужно, чтобы вы доверяли друг другу. И мне нужно, чтобы вы не поддавались страху.

Он обвёл взглядом каждого из них.

— Виктор сказал, что знает наши слабости. Это правда. Но слабости — это не приговор. Слабости можно компенсировать. Можно превратить в силу. Если ты боишься за товарища, Корд, используй этот страх, чтобы быть более бдительным. Если ты боишься стать бесполезным, Рун, используй этот страх, чтобы тренироваться усерднее. Если ты... — он посмотрел на Айлу, — если ты боишься за меня, используй этот страх, чтобы сделать свою завесу ещё эффективнее. Мы не можем избавиться от страха. Но мы можем использовать его.

В зале повисла тишина. Арт видел, как его слова доходят до них. Корд кивнул. Рун сжал кулак и ударил им по столу, выражая согласие. Марта и Эли переглянулись. Шен, прятаясь в тени, едва заметно улыбнулся. Скольд, дрожа, записывал что-то в своём блокноте. И Айла... Айла смотрела на него с тем самым выражением, которое он так хорошо знал. Гордость. Решимость. Любовь.

— Завтра мы начинаем подготовку, — подвёл итог Арт. — А сегодня... сегодня отдохайте. Завтра начнётся новый день. И он может стать последним для кого-то из нас. Но если мы будем сражаться вместе, у нас есть шанс.

Совет закончился. Офицеры разошлись. В зале остались только Арт и Айла.

— Ты говорил убедительно, — произнесла она, подходя ближе. — Почти заставил меня поверить, что мы победим.

— Почти? — переспросил он.

— Я верю, — ответила она. — Но я также знаю тебя. Ты что-то скрываешь. Что-то, что ты не сказал им. Что-то, что ты не сказал даже мне.

Арт посмотрел ей в глаза.

— Ты права, — признал он. — Я провёл ещё один просчёт, пока ты была в лаборатории. Я учёл всё: завесу, ловушки, тактику, поддержку Корда и остальных. И итоговая вероятность моей смерти... не изменилась. Девяносто семь процентов. Что бы мы ни делали, исход остаётся тем же.

Айла побледнела. Её пальцы, покрытые шрамами, сжались в кулаки.

— Тогда почему... — начала она.

— Почему я не сказал им? — перебил её Арт. — Потому что им нужна надежда. Если они узнают, что даже с завесой, даже с ловушками, даже с лучшей тактикой шансы не меняются, они сломаются. Они будут сражаться хуже, и вероятность увеличится до ста процентов. Им нужна вера. Им нужен Архитектор, который знает, что делает. И я дам им это.

— А мне? — тихо спросила Айла. — Ты дашь это мне?

Арт взял её за руку — свою холодную ладонь в её тёплую, покрытую шрамами.

— Тебе я даю правду. Всегда. И правда в том, что у нас есть только три процента. Но три процента — это не ноль. Где-то там, среди всех возможных исходов, есть тот, в котором мы побеждаем. Я ещё не нашёл его. Но я буду искать. И ты будешь искать. И вместе, может быть, мы найдём.

Айла долго молчала, глядя на их переплетённые руки. Затем она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Я найду, — сказала она. — Клянусь.

Ночь опустилась на Форпост. Арт сидел в своём кабинете и составлял последние инструкции на случай своей смерти. Он писал медленно, тщательно подбирая слова, потому что каждое из них могло стать последним обращением Архитектора к своим людям. Он писал о премнике. О том, как сохранить порядок после его ухода. О том, что Айла должна возглавить Форпост, если он умрёт. О том, что Корд должен стать её правой рукой, а Рун — её мечом. О

том, что Скольд должен продолжать вести учёт, а Шен — наблюдать. О том, что они должны выжить. Должны продолжить.

Закончив, он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Боль в висках стала его постоянным спутником, но сейчас она ощущалась острее — верный признак того, что его мозг, перегруженный постоянным использованием навыка, приближался к очередному порогу деградации. Фантом сказал: шесть-двенадцать месяцев. Арт думал, что ближе к шести. Но сейчас он не был уверен даже в этом.

Дверь открылась, и вошла Айла. Она была без своего кожаного фартука, просто в серой робе. Её волосы были распущены и свободно падали на плечи. Она выглядела уставшей, но в глазах горел знакомый огонь.

— Я закончила завесу, — сказала она. — Двенадцать ампул. Этого хватит на несколько часов боя.

— Хорошо, — ответил Арт.

— Ты написал инструкции? — спросила она, кивая на бумаги на столе.

— Да.

— Дай мне посмотреть.

Арт поколебался, затем протянул ей листы. Айла пробежалась по ним глазами. Её лицо было бесстрастным, но когда она дошла до места, где он писал о ней как о преемнике, её пальцы дрогнули.

— Ты действительно думаешь, что умрёшь, — произнесла она.

— Я думаю, что это вероятно.

— Девяносто семь процентов.

— Да.

Айла положила бумаги на стол и подошла к нему. Села в кресло напротив и взяла его за руки.

— Тогда у меня есть к тебе просьба, — сказала она.

— Какая?

— Пообещай мне, что ты используешь эти три процента. Не сдашься. Не примешь смерть как неизбежность. Будешь бороться до последней секунды. До последнего нейрона. До последнего вздоха.

— Обещаю, — ответил Арт.

— И ещё, — она запнулась, и в её глазах что-то промелькнуло. Что-то, похожее на страх — но не перед Виктором, не перед смертью. Перед чем-то иным. — Если ты всё-таки умрёшь... я не буду мстить. Я не брошу Форпост, не пожертвую людьми ради пустой ярости. Я продолжу то, что ты начал. Я стану следующим Архитектором, как ты просил. Но...

— Но?

— Но я никогда не прощу тебя за это. — Она сжала его руки так сильно, что её шрамы побелели. — Никогда не прощу, что ты оставил меня одну. Так что даже не думай умирать.

Арт смотрел на неё — на эту женщину, которая прошла с ним через ад и была готова пройти ещё через сотни кругов, если потребуется. На её лицо, бледное и решительное. На её глаза, холодные и серые, но полные огня. На её руки, покрытые шрамами, которые она получила, спасая его.

— Я не умру, — сказал он, и впервые за долгое время это было не просто успокоение.

— Докажи, — прошептала она.

И он поцеловал её. Не как Архитектор — как человек, который боится, любит и цепляется за надежду, даже если она составляет всего три процента.

Где-то далеко, за стенами Форпоста, в ночной тишине Пустошей, одинокая фигура стояла на холме и смотрела на огни укрепления. Виктор ждал. Его светящиеся глаза пульсировали в такт сердцебиению, а губы кривились в улыбке — холодной, лишённой эмоций.

Он знал, что Архитектор не сдастся. Знал, что будет бой. Знал, что его ждёт ловушка. И он знал, что победит. Потому что он видел слабости Архитектора. Видел его страх. Видел его любовь. И он знал, как использовать и то и другое.

Завтра всё закончится.

Но сегодня — тишина. И ожидание.

Арка 5: Уровень 85. Эшафот

Глава 2. Диалог у ворот — «Ты послал меня умирать. Я выжил. Теперь я — твоя смерть»

Часть 1. Пересечение порога

Ворота Разрушенного Форпоста открывались медленно. Массивные створки из кованого железа и окаменевшего дерева, усиленные рунами Корда и многолетними слоями магического укрепления, расходились в стороны с низким, утробным гулом, который вибрировал в каменных плитах под ногами. Каждый, кто стоял во дворе, — а стояли там все, кто мог держать оружие, — чувствовал эту вибрацию как предвестие землетрясения. Как знак того, что привычный мир только что пошёл трещинами.

Арт стоял у подножия лестницы, ведущей на стену. Он спустился вниз минуту назад, проигнорировав тихий протест Корда и жёсткий, почти приказной шёпот Айлы. Сейчас она стояла в нескольких шагах позади и слева от него — достаточно близко, чтобы в случае нужды активировать дымовую завесу, достаточно далеко, чтобы не провоцировать Виктора на немедленную атаку. Её руки, покрытые свежими розовыми шрамами, сжимали футляр с ампулами; костяшки пальцев побелели. Она молчала, но Арт чувствовал её напряжение как собственное — через то странное, почти мистическое восприятие, которое появилось у него после эксперимента с Осколком Пустоты. В Системной Паутине её присутствие пульсировало тёплым, золотистым светом, полным тревоги и нестигаемой решимости.

Он перевёл взгляд на врата.

Виктор не врывался. Он стоял по ту сторону порога, неподвижный, как изваяние, и ждал, пока створки разойдутся полностью. Никто не приказывал открывать ворота так широко — механизм, приведённый в действие приказом Архитектора, просто делал свою работу до конца. И в этой неподвижности, в этом терпеливом ожидании было что-то более пугающее, чем любая агрессия. Виктор показывал, что он не торопится. Что у него есть всё время мира. Что он абсолютно, ледяно уверен в исходе.

Когда ворота наконец замерли, между их коваными краями и фигурой Виктора оставалось не больше метра пустого пространства — серая полоса утреннего света, пробивающегося сквозь тучи. Виктор сделал шаг вперёд и пересёк эту границу.

Никакого спецэффекта. Никакой вспышки. Но мир изменился мгновенно.

Алхимические горелки, расставленные по периметру двора, одновременно мигнули — их ровное зеленоватое свечение сменилось багровым, словно в светильники плеснули крови. Через секунду они вернулись к норме, но каждый, кто это видел, понял: то была не случайность. Металл доспехов у стоявших в первом ряду ополченцев завибрировал с тонким, почти неслышимым звоном. И ещё — тишина. Она сгустилась до состояния физически ощутимой тяжести. Птицы-падальщики, всегда кружившие над стенами, исчезли несколько часов назад. Теперь же исчезли даже скрип доспехов, даже дыхание людей — или, вернее, оно стало таким тихим, что казалось, будто каждый боится вдохнуть.

Арт смотрел на человека, которого когда-то знал. Человека, с которым делил паёк в первые дни после прибытия в Пантеон. Человека, которому доверял командование флангом во время первой обороны. Человека, которого — он признавал это теперь, стоя лицом к лицу с последствиями своего выбора, — он хладнокровно отправил на смерть.

Виктор изменился. Дело было не только в шрамах, хотя их хватало. Его тело, когда-то подтянутое и сильное, теперь казалось... пересобранным. Словно каждая кость была сломана и срослась заново, но неправильно, под неестественными углами. Его кожа, там, где она не была скрыта лохмотьями бывшего офицерского мундира, была испещрена линиями, напоминавшими застывшие молнии. Эти линии — его шрамы — не были тусклыми, как старая рубцовая ткань. Они светились. Слабо, едва заметно, но в сером сумраке утра это свечение было неоспоримым: багровое, как тлеющие угли, пульсирующее в такт его сердцебиению. Узор шрамов расходился от груди к плечам, спускался по рукам к запястьям и терялся под воротником, словно сама энергия, переполнявшая Виктора, выжгла эти пути в его плоти.

Но самым страшным были его глаза. Они больше не имели ничего общего с человеческими. Белки исчезли — теперь глазницы заполняла сплошная, мерцающая багровая тьма, в центре которой пульсировали холодные белые точки. Не зрачки — скорее, отверстия в пустоту. Когда Виктор моргал — а моргал он редко, — веки смыкались и размыкались, но свечение не гасло, а лишь на мгновение приглушалось, словно кто-то набрасывал покрывало на фонарь.

От него исходил гул. Арт не сразу осознал это; звук был на грани слышимости, на частоте, которую человеческое ухо обычно не воспринимает. Но тело его воспринимало. Внутренние органы вибрировали в такт этому гулу. Зубы слегка ныли. И, что было хуже всего, этот гул, казалось, взаимодействовал с его навыком. «Анализ слабости», работавший в фоновом режиме постоянно после эксперимента, вдруг начал выдавать поток противоречивых, хаотичных, рваных данных. Системная Паутина вокруг Виктора была не просто искажена. Она отсутствовала. Там, где должна была находиться сигнатура игрока, зияла слепая зона — движущаяся лакуна, пробел в самой ткани реальности.

Арт попытался применить анализ целенаправленно — и тут же отдёргнул своё восприятие, как отдёргивают руку от раскалённой плиты. В месте, где стоял Виктор, нити Паутины не просто рвались. Они замыкались сами на себя, создавая петли рекурсии, уходящие в никуда. Это было похоже на попытку прочитать книгу, в которой все буквы на одной странице сложились в слово, а на соседней — в бессмысленный набор знаков. Информация не отсутствовала — она была искажена до неузнаваемости. Виктор не был пустым. Он был анти-системным, чужеродным кодом, который Система не могла обработать и который Арт не мог прочесть.

— Архитектор, — произнёс Виктор.

Голос его изменился так же радикально, как и тело. В нём не осталось ни тепла, ни тембра, ни интонаций, которые Арт помнил. Это был глухой, резонирующий звук, лишённый эмоций, словно говорил не человек, а сам воздух, пропущенный через металлическую трубу. И в то же время в этом голосе было странное эхо, как будто каждое слово сопровождалось беззвучным шёпотом, доносящимся откуда-то издалека.

Арт выпрямился и сделал шаг вперёд, останавливаясь в десяти метрах от гостя.

— Виктор, — ответил он, и его собственный голос, усиленный системным каналом, прозвучал непривычно громко в мёртвой тишине двора.

Виктор медленно, очень медленно, обвёл взглядом собравшихся. Его светящиеся глаза задержались на Корде, стоявшем у входа в таверну с топором наперевес. На Руне, чей «Дробильщик» дрожал в руках — не от страха, как понял Арт, а от невыносимого желания бро-

ситься в бой, сдерживаемого только железной дисциплиной. На Марте и Эли, замерших на флангах. На Шене, который, как всегда, прятался в тених у стены, но чьё присутствие Виктор, казалось, заметил без малейшего труда. На Скольде, бледном до синевы и сжимавшем свои бумаги перед грудью, словно они могли служить щитом.

Затем его взгляд остановился на Айле.

Пауза. Долгая, напряжённая, полная какого-то неизъяснимого смысла. Виктор смотрел на неё пять, десять, пятнадцать секунд — и всё это время Айла не отводила взгляда, стоя с гордо поднятой головой и сжимая в одной руке футляр с ампулами, а другой — эфес «Шёпота смерти». Арт видел, как побелели её костяшки. Видел, как напряглись мышцы её челюсти. Но она не дрогнула.

Наконец Виктор перевёл взгляд обратно на Арта.

— Ты послал меня умирать, — произнёс он. В его голосе не было ни гнева, ни боли — только констатация факта. Как будто он говорил о погоде или о цифрах в бухгалтерской книге. — Ты просчитал мою смерть как неизбежную переменную в своём уравнении. Ты вычеркнул меня из своих планов и счёл это приемлемой ценой за стабильность своего драгоценного порядка. Ты просчитался.

Арт ожидал этого обвинения. Он готовился к нему. И всё же, услышав его, произнесённое этим чужим, нечеловеческим голосом, он почувствовал, как внутри что-то сжалось. Его «Анестезия» надёжно заблокировала эмоции, но она не могла заблокировать осознание. А осознание было однозначным: Виктор говорил правду.

— Я знаю, — ответил он. — Я недооценил твою способность выживать. Это была ошибка.

— Ошибка? — Виктор склонил голову набок, и этот жест, почти человеческий, контрастировал с его нечеловеческим обликом настолько сильно, что вызывал оторопь. — Ты называешь это ошибкой? Ты, Архитектор, который гордится своим разумом, который выстроил империю на фундаменте из вычислений? Нет. Ошибка — это просчёт в цифрах. Ошибка — это неверный прогноз погоды или непредвиденная атака монстров. Но ты не ошибался. Ты сделал выбор.

Он сделал шаг вперёд. Никто не шелохнулся. Арт остался на месте.

— Ты посмотрел на меня, — продолжал Виктор, и его голос стал тише, интимнее, почти доверительным, — и ты решил: этот человек представляет потенциальную угрозу. Не реальную — потенциальную. Он может стать проблемой. Он может усомниться в моих методах. Он может, в момент слабости, попытаться меня свергнуть. И ты, со своим холодным, безжалостным разумом, решил, что лучше устранить эту угрозу заранее. Профилактически. Просто на всякий случай.

Он сделал ещё один шаг. Теперь их разделяло не больше семи метров.

— Ты не убил меня в бою. Не казнил за преступление. Даже не устроил суд, который — я знаю твои таланты — мог бы закончиться как угодно. Ты просто послал меня в Мёртвые Земли. Дал мне миссию, которую я не мог выполнить, и знал это. Ты подписал мне смертный приго-

вор не из ненависти, не из страха, а из холодного, рационального расчёта. Я был переменной, которая давала сбой, и ты вычеркнул меня из уравнения. Разве это не так, Архитектор?

Тишина во дворе стала оглушительной. Люди, стоявшие вокруг, затаили дыхание. Арт видел их лица — бледные, напряжённые, полные ужаса и неуверенности. Они никогда не слышали, чтобы кто-то разговаривал с Архитектором в таком тоне. Они никогда не слышали, чтобы кто-то бросал ему в лицо обвинения, и при этом оставался жив.

— Да, — ответил Арт, и это слово отозвалось в его груди странной, неожиданной болью. — Это правда. Я сделал этот выбор. Я пожертвовал тобой ради стабильности Форпоста. Я счёл твою жизнь приемлемой ценой за порядок, который мы строили.

— За порядок, — повторил Виктор, и в его голосе впервые прорезалась эмоция — холодная, горькая ирония. — Порядок. Красивое слово. Ты так часто его повторяешь. Порядок из хаоса. Стабильность из энтропии. Закон из беззакония. Ты построил целую философию вокруг своего дара, целую идеологию, оправдывающую всё, что ты делаешь. Но это лишь слова. На деле твой «порядок» — это просто власть. Твоя личная, абсолютная, никем не оспариваемая власть. И ради неё ты готов пожертвовать кем угодно. Другом. Соратником. Даже...

Он снова посмотрел на Айлу. Этот взгляд длился лишь мгновение, но в нём было столько понимания, столько холодного, проницательного знания, что Айла, всегда такая непоколебимая, на долю секунды отступила на полшага назад.

— ...даже ею, — закончил Виктор. — Если однажды твои расчёты покажут, что она угрожает твоему драгоценному порядку, ты пожертвуешь и ею. Ты сам это знаешь. И она знает.

Арт почувствовал, как его «Анестезия» дала трещину. Небольшую, почти незаметную, но достаточную, чтобы сквозь неё прорвалась волна холодного гнева. Не на Виктора — на себя. Потому что он не мог ответить «нет» с абсолютной уверенностью. Потому что в глубине души он знал: если когда-нибудь встанет выбор между Айлой и Форпостом, между Айлой и выживанием сотен людей, — он не уверен, что выберет её. Он хотел бы выбрать. Он хотел бы сказать, что любовь сильнее логики. Но Архитектор, которого он сам создал внутри себя, не умел любить сильнее, чем считать.

И Виктор, глядя в его глаза, видел это. Видел его сомнение. Видел его страх. И улыбался — холодной, безжизненной улыбкой, которая не затрагивала его светящихся глаз.

— Вот видишь, — тихо произнёс он. — Ты даже не можешь отрицать.

Часть 2. Анатомия обвинения

Повисла пауза, долгая и мучительная. Арт чувствовал, как пот стекает по вискам, хотя утро было холодным. Его навык, продолжавший работать в фоновом режиме, фиксировал малейшие изменения в окружающей обстановке: повышенный пульс у Корда, выброс адреналина у Руна, напряжение в мышцах Марты. Но все эти данные казались неважными перед лицом простого факта: он стоял перед человеком, которого убил, и этот человек говорил ему правду, которую он сам от себя скрывал.

— Чего ты хочешь? — спросил Арт, и его голос прозвучал холоднее, чем он рассчитывал. — Ты пришёл сюда не для того, чтобы вести философские дискуссии. Говори прямо.

Виктор выпрямился. Его шрамы на мгновение вспыхнули ярче, и гул, исходивший от него, изменил тональность — стал ниже, глубже, почти как рокот далёкого землетрясения.

— Я хочу, чтобы ты понял, — произнёс он. — Понял, что со мной сделали Мёртвые Земли. Понял, что я стал не по своей воле. Понял, что ты создал меня.

Он простёр правую руку вперёд ладонью вверх, и воздух над ней начал искажаться. Это было похоже на марево над раскалённым асфальтом, только холодное, багровое, полное мелькающих теней. Арт видел — не глазами, а через Системную Паутину, — как нити реальности вокруг этой ладони рвались, скручивались в жгуты, завязывались в невозможные узлы. Это не было разрушением в обычном смысле. Это была демонстрация контроля — контроля над самой тканью бытия.

— Твой навык, «Анализ слабости», — продолжал Виктор, и его голос приобрёл почти лекционные интонации, — позволяет тебе видеть уязвимости и эксплуатировать их. Ты смотришь на мир и видишь, где трещина, где слабина, где можно надавить, чтобы всё обрушилось. Это дар, который дала тебе Система, когда ты впервые вошёл в Пантеон. Но это также и проклятие. Потому что, видя чужие слабости, ты перестаёшь видеть их в себе. Ты думаешь, что ты — совершенный механизм, Архитектор. Машина, которая не ошибается.

Он сжал ладонь в кулак, и искажение исчезло.

— Мой навык иной. «Зеркало Уязвимостей». Я не ищу слабости. Мне не нужно их искать. Я смотрю — и вижу их. Я просто стою здесь, и каждая трещина в твоей броне, каждый страх, который ты прячешь за своей «Анестезией», каждая ложь, которую ты говоришь себе, чтобы оправдать свои действия, — всё это как на ладони. И всё, что я вижу, я могу отразить.

Он перевёл взгляд на Корда.

— Ветеран, — произнёс он, и Корд, всегда бывший скалой, на мгновение побледнел. — Твой главный страх — не оправдать доверия. Ты боишься, что однажды, в решающий момент, твоя рука дрогнет, твой топор уйдёт в сторону, и ты не сможешь защитить тех, кто тебе доверяет. Этот страх въелся в твою правую руку — ты слишком сильно сжимаешь оружие перед ударом, и это замедляет твою реакцию на доли секунды. Никто этого не замечает, кроме меня... и, возможно, самого внимательного противника. Ты знаешь об этом. И от этого боишься ещё сильнее.

Корд ничего не ответил. Его лицо было мрачным, но он выдержал взгляд Виктора, не отступив ни на шаг. И всё же Арт заметил, как его пальцы, сжимавшие рукоять топора, разжались на мгновение, а затем сжались снова — уже осознанно, контролируемо.

Виктор перевёл взгляд на Руна.

— Берсерк. Твой страх — стать бесполезным. Ты боишься, что однажды твоя сила иссякнет, твоя ярость угаснет, и ты станешь обузой для своих товарищей. Этот страх заставляет тебя атаковать первым, всегда, в любой ситуации. Ты не можешь ждать. Ты должен доказывать свою полезность снова и снова, каждым ударом, каждым убитым врагом. И это делает тебя предсказуемым.

Рун, в отличие от Корда, не смог сдержаться. Он рванулся вперёд, заноса «Дробильщик», и только железная хватка Марты, схватившей его за плечо, удержала берсерка на месте.

— Пусти! — прохрипел он. — Я покажу ему «бесполезного»!

— Стой, — тихо, но твёрдо произнесла Марта. — Не сейчас.

Виктор никак не отреагировал на эту вспышку. Он уже перевёл взгляд дальше — на Марту и Эли, стоявших на флангах.

— Воительницы, — произнёс он. — Ваш страх особый. Вы боитесь не за себя. Вы боитесь, что Архитектор, которому вы доверили свои жизни, однажды совершит ошибку. Что его расчёты окажутся неверны. Что его план провалится. И вы, верные исполнители, погибнете не из-за собственной слабости, а из-за его просчёта. Этот страх вы прячете за дисциплиной и холодными лицами, но он здесь. Он всегда здесь.

Марта не ответила. Эли тоже. Но их молчание было красноречивее любых слов.

Затем Виктор посмотрел на Шена, прятавшегося в тени. Разведчик, который всегда был невидим, который умел становиться частью темноты, на мгновение показался полностью обнажённым.

— А ты, тень, — произнёс Виктор. — Твой страх — быть обнаруженным. Не врагом. Своими. Ты боишься, что однажды Архитектор посмотрит на тебя и увидит не ценного союзника, а потенциальную угрозу. Такую же, какой был я. И поступит с тобой так же, как поступил со мной.

Шен не пошевелился. Но его глаза, видневшиеся из-под капюшона, сузились. Он ничего не сказал, но Арт понял: Виктор попал в цель.

И наконец Виктор перевёл взгляд на Айлу.

Этот взгляд длился дольше, чем все предыдущие. Пять секунд. Десять. Пятнадцать. Айла стояла, выпрямившись, сжимая одной рукой футляр с ампулами, а другой — эфес «Шёпота смерти». Её лицо было холодным и отстранённым, но Арт видел — через связь Системной Паутины, через то странное, почти интимное восприятие, которое связывало их после экспе-

римента, — как внутри неё бушует буря. Страх. Гнев. Решимость. И что-то ещё, более глубокое, что она не позволяла себе показывать.

— Врач, — тихо произнёс Виктор, и его голос стал иным — не холодно-лекционным, как раньше, а почти... печальным? Или это была насмешка? Арт не мог определить. — Ты особенная. Ты единственная, чей страх не за себя. Даже не за него. Твой главный страх — стать его слабостью. Быть той брешью в броне Архитектора, через которую враг сможет ударить. Ты боишься, что однажды он пожертвует всем — порядком, стабильностью, будущим Форпоста — только ради того, чтобы спасти тебя. И ты не хочешь этого. Ты готова умереть сама, лишь бы не становиться причиной его падения.

Айла не ответила, но её пальцы, сжимавшие эфес, побелели ещё сильнее.

— Это благородно, — продолжал Виктор. — И это делает тебя ещё более опасной — для него. Потому что он знает о твоём страхе. И он боится того же самого. Вы оба заперты в петлю взаимного страха, и эта петля — ваша величайшая слабость.

Он повернулся обратно к Арту, и его светящиеся глаза встретились с глазами Архитектора.

— Вот чему я научился в Мёртвых Землях, — произнёс он. — Когда ты ползёшь через соль и пепел, когда твои лёгкие горят от ядовитого воздуха, когда твои кости трещат под давлением аномальных зон, — ты теряешь всё. Сначала силу. Потом надежду. Потом человечность. Остаётся только остов, каркас, на который можно нарастить что угодно. И Система... Система смотрела на меня. Она видела, как я отказываюсь умирать вопреки всем её расчётам. Она видела мою ненависть — такую сильную, что она стала осязаемой. И она заинтересовалась.

— Система дала тебе этот навык? — спросил Арт, хотя ответ уже знал наперёд.

— Не дала, — ответил Виктор. — Навязала. Она увидела во мне потенциал — потенциал стать противовесом тебе. Ты был аномалией, ошибкой в коде, которую Система не могла исправить. Ты использовал административный доступ, которого у тебя не должно быть, для манипуляции реальностью. Система пыталась тебя удалить через Отладчика — и не смогла, потому что твоя смерть обрушила бы весь сектор. Тогда она пошла другим путём. Она создала другую аномалию. Меня.

Он сделал ещё шаг вперёд. Теперь между ними было не больше пяти метров. Айла напряглась, готовая в любой момент активировать завесу. Корд и Рун подались вперёд. Но Арт поднял руку, приказывая им остановиться.

— Ты хочешь сказать, что ты — инструмент Системы? — спросил он. — Что ты здесь не по своей воле?

— Я здесь по своей воле, — возразил Виктор. — Но навык, который мне дали, — это инструмент. Инструмент с единственной целью: нейтрализовать тебя. «Зеркало Уязвимостей». Я вижу слабости и отражаю их. Ты пытаешься атаковать меня — твоя атака обращается против тебя. Ты пытаешься манипулировать мной — твоя манипуляция разворачивается на сто восемьдесят градусов. Я — твоё отражение, Архитектор. Всё, что ты делаешь, я возвращаю обратно. Умноженное. Усиленное. Неизбежное.

— Значит, ты — идеальное оружие против меня, — констатировал Арт.

— Да. Но не только. — Голос Виктора снова изменился, стал глубже, мрачнее. — Я не просто оружие. Я — урок. Система послала меня, чтобы преподать тебе урок, который ты отказываешься усваивать. Урок о цене. О том, что каждое действие имеет последствия. Что нельзя просто вычеркнуть человека из уравнения и надеяться, что он исчезнет навсегда. Что твои решения — даже самые рациональные, даже самые просчитанные — могут вернуться к тебе в виде катастрофы.

Он замолчал, и двор погрузился в тишину. Арт смотрел на него и думал о том, что услышал. Виктор был прав — в чём-то прав. Он действительно пожертвовал им из холодного расчёта. Он действительно не думал о последствиях, считая, что Мёртвые Земли надёжно поглотят его бывшего товарища. И теперь этот расчёт стоял перед ним в виде живого обвинения.

Но было и другое. Виктор говорил о Системе так, словно она была разумным существом, способным на месть и интриги. Так ли это? Или сам Виктор, искалеченный и изменённый, просто приписывал Системе качества, которыми она не обладала, чтобы придать смысл своим страданиям? Арт не знал. Его навык, такой надёжный всегда, сейчас не давал ответов. Только противоречивые данные. Только слепую зону, в которой тонули все его расчёты.

— Ты закончил? — спросил он наконец.

— Нет, — ответил Виктор. — Я ещё не начинал.

Часть 3. Ультиматум

Он повернулся и медленным, размеренным шагом двинулся вдоль строя ополченцев, выстроившихся вдоль стен. Люди расступались перед ним, как вода перед носом корабля. Не потому что хотели — их тела сами отступали, подчиняясь какому-то древнему, животному инстинкту, кричавшему: «Не стой на пути у этого существа». Они не смотрели ему в глаза. Они боялись. И Виктор не делал ничего — просто шёл, и его присутствия было достаточно.

Арт следовал за ним на расстоянии, не приближаясь, но и не отставая. Он видел, как Виктор останавливается то перед одним ополченцем, то перед другим. Он не угрожал им, не нападал — просто смотрел. И каждый, на кого падал этот взгляд, вздрагивал, словно от удара. Некоторые начинали плакать. Другие застывали с остекленевшими глазами, словно увидели что-то невыносимое в собственной душе.

— Что он с ними делает? — прошептал Корд, подходя к Арту.

— Ничего, — ответил Арт. — Он просто смотрит. И они видят свои слабости. Свои страхи. Свои тёмные стороны. То, что они прячут даже от себя. Он не атакует их — он показывает им правду. И правда эта невыносима.

— Мы должны остановить его, — прорычал Рун, всё ещё сжимавший «Дробильщик». — Нельзя позволять ему так унижать наших людей!

— Как? — спросил Арт, и в его голосе прозвучала усталость. — Ты хочешь атаковать его? Прямо сейчас? Ты видел, что случилось с тем стрелком.

Рун замолчал, но желваки на его скулах заходили ходуном.

Инцидент со стрелком произошёл несколько минут назад, но его последствия всё ещё отдавались эхом в сознании каждого свидетеля. Один из молодых ополченцев, неопытный и испуганный, не выдержал напряжения. Его пальцы сами собой сжали тетиву, и стрела сорвалась, устремившись к Виктору. Тот не пошевелился. Не активировал щит. Не уклонился. Он просто посмотрел на стрелу — и она замерла в воздухе в метре от его груди, словно наткнувшись на невидимую стену. Затем, без какого-либо видимого усилия с его стороны, она развернулась на сто восемьдесят градусов и полетела обратно, поразив стрелка в плечо — ровно в ту точку, куда тот целил. Не в сердце, не в голову. В плечо. Это была не казнь. Это был урок. Жестокий, наглядный, неумолимый урок: всё, что вы попытаетесь сделать мне, вернётся к вам.

— Демонстрация, — тихо произнесла Айла, подходя к Арту. — Он не воюет. Он показывает. Как в театре. Он хочет, чтобы мы все увидели, насколько мы беспомощны перед ним. Чтобы мы начали сомневаться. Чтобы наш страх стал сильнее нашей дисциплины.

— И это работает, — мрачно констатировал Корд, глядя на ополченцев, чьи лица были белы как мел.

Виктор завершил свой обход и остановился в центре двора, на том же месте, откуда начал. Его светящиеся глаза обвели стены Форпоста, задержались на башнях, на бойницах, на лицах защитников.

— Красивый замок, — произнёс он задумчиво. — Ты построил его на костях, Архитектор, но этого не отнять — он красив. Здесь есть порядок. Здесь есть стабильность. Здесь есть всё, о чём ты мечтал. И всё это рухнет.

Он повернулся к Арту.

— Я не буду штурмовать твои стены. Не буду посылать армии. Не буду устраивать осаду. Я просто буду стоять там, снаружи, — он указал на ворота, всё ещё открытые, — и ждать. День за днём, ночь за ночью. И каждый рассвет будет напоминать твоим людям, что их Архитектор не может защитить их. Что его знаменитый разум бессилён против одного-единственного человека. Их вера сгниёт раньше, чем твои укрепления.

— Ты хочешь взять нас измором, — произнёс Арт.

— Я хочу, чтобы ты вышел ко мне сам, — ответил Виктор. — Не прятался за спинами своих солдат. Не посылал их умирать вместо себя. Ты и я — на Арене. Один на один. Без ловушек. Без завес. Без поддержки. Твоя система против моей аномалии. Твой гений против моего урока.

— А если я откажусь?

— Тогда я буду ждать. У меня есть время. У меня есть терпение. Я полз через Мёртвые Земли двенадцать дней без воды и еды. Я могу стоять здесь годы. А ты — ты не можешь. Твои люди не могут. Твоя империя уже трещит по швам — я вижу это. Я вижу страх в их глазах. Я вижу сомнение. Я вижу, как твоя легенда о непогрешимом Архитекторе тает с каждой минутой моего присутствия. Рано или поздно они отвернутся от тебя. И тогда ты выйдешь ко мне. Не из гордости — из отчаяния.

Он сделал паузу, и его шрамы снова вспыхнули ярче.

— Но я предлагаю тебе выбор. Выйди сейчас. Реши всё сейчас. Не растягивай агонию. Если ты действительно Архитектор, если ты действительно веришь в свой гений, — докажи это. Победи меня. А если не сможешь... — он пожал плечами, и этот жест был почти человеческим, — тогда умри с честью, а не как затравленный зверь в норе.

По толпе пробежал ропот. Кто-то из ополченцев всхлипнул. Кто-то выругался. Корд шагнул вперёд:

— Архитектор, не слушай его! Мы можем сражаться вместе. Мы можем...

— Нет, — перебил его Арт, и его голос прозвучал холодно, почти безэмоционально. — На этот раз — нет.

Он повернулся к Виктору.

— Ты прав, — произнёс он. — Я не могу прятаться. Не сейчас. Не тогда, когда каждый мой человек видит, как я отступаю перед врагом, которого сам же и создал. Я выйду к тебе. На Арену. Один на один.

— Арт! — вскрикнула Айла, и её голос сорвался почти на крик. — Ты не можешь! Ты сам говорил — девяносто семь процентов!

— Я помню, — ответил он, не оборачиваясь. — Но если я не сделаю этого сейчас, вероятность моего падения станет стопроцентной. Не сразу, но неизбежно. Мои люди потеряют веру. Мои офицеры начнут сомневаться. Форпост, который я строил кровью и расчётами, рухнет. Я не могу этого допустить.

— Тогда позволь мне пойти с тобой! — в голосе Айлы звенела сталь. — Вдвоём у нас больше шансов!

— Нет, — резко ответил Арт и наконец повернулся к ней. Его лицо было холодной маской, но глаза... глаза горели тем самым негнбаемым огнём, который она видела в самые критические моменты их совместной борьбы. — Ты останешься здесь. Ты — мой преемник. Если я умру, ты возглавишь Форпост. Ты продолжишь то, что мы начали. Это не обсуждается.

Айла смотрела на него, и в её глазах — холодных, серых — бушевала буря. Гнев. Страх. Отчаяние. И любовь, такая сильная, что она граничила с безумием.

— Ты обещал мне, — прошептала она. — Ты обещал, что будешь бороться до конца. Что используешь каждый шанс.

— Я использую, — ответил Арт, и его голос стал чуть мягче. — Но мой шанс — три процента. А шанс Форпоста выжить без меня, если я струшу, — ноль. Я выбираю три процента. Это математика. Ты понимаешь.

Айла закрыла глаза. Одно-единственное мгновение — и она снова открыла их, полные ледяной, негнбаемой решимости.

— Тогда я буду ждать, — сказала она. — Здесь. И когда ты победишь — а ты победишь, — ты вернёшься ко мне. Понял?

— Понял, — ответил Арт и впервые за долгое время позволил себе слабую, почти незаметную улыбку.

Виктор, наблюдавший за этой сценой, тихо усмехнулся.

— Трогательно, — произнёс он. — Но время идёт. Принимай свой вызов, Архитектор. Формально, через Систему. Чтобы всё было по правилам.

Арт активировал интерфейс и пробежался по системным протоколам. Дуэль. Один на один. Ставка — жизнь. Локация — Арена. Он заполнил все поля, подтвердил вызов и отправил его через Систему. Через секунду пришёл ответ:

«Вызов принят. Противник: Viktor_Mirror. Тип поединка: до полного уничтожения. Локация: Арена, сектор 7-Гамма. Время: через два часа. Подтвердить?»

Арт подтвердил.

— Через два часа, — произнёс он вслух. — Арена.

Виктор кивнул и направился к воротам. У самого выхода он остановился и бросил через плечо:

— Я буду ждать тебя там. Не опаздывай, Архитектор. Ты уже однажды заставил меня ждать слишком долго.

И он вышел. Ворота за ним закрылись с тем же низким, утробным гулом, который звучал теперь как похоронный звон.

Часть 4. Последние часы перед Ареной

Двор Форпоста оставался заполнен людьми, но никто не двигался. Все стояли, замерев, словно статуи, и смотрели на закрывшиеся ворота. Каждый, вероятно, думал об одном и том же: Архитектор, непобедимый Архитектор, только что принял вызов, который почти наверняка его убьёт. И они ничего не могли с этим сделать.

Арт повернулся к своим офицерам.

— У нас два часа, — произнёс он, и его голос снова стал холодным и деловым тоном командира. — Корд, Рун — усилить охрану периметра. Если Виктор попытается что-то предпринять до дуэли, мы должны быть готовы. Марта, Эли — успокоить ополченцев. Они должны видеть, что командование держит ситуацию под контролем. Шен — твои разведчики пусть следят за каждым шагом Виктора. Докладывать каждые пятнадцать минут. Скольд — подготовь экстренный протокол на случай моей смерти. Ты знаешь, что делать.

— Архитектор... — начал Скольд, и его голос дрогнул.

— Это приказ, — оборвал его Арт и направился к таверне.

Айла последовала за ним.

В кабинете Арт сел за свой стол и на несколько секунд закрыл глаза. Его тело, которое во время разговора с Виктором держалось исключительно на силе воли, теперь дало о себе знать. Мышцы ныли, в висках пульсировала уже привычная тупая боль, а ментальная энергия упала до тридцати трёх процентов — опасно низкий уровень. Он знал, что перед дуэлью нужно восстановиться, но также знал, что два часа — слишком мало для полноценного отдыха.

Айла вошла следом и закрыла дверь. Она не села в кресло напротив, как обычно. Она подошла прямо к нему, обошла стол и встала перед ним — напряжённая, бледная, сжимающая кулаки.

— Ты не можешь этого сделать, — произнесла она, и её голос был низким и напряжённым. — Не сейчас. Не так. Девяносто семь процентов, Арт!

— Я помню, — ответил он, не открывая глаз.

— Тогда почему?! — она почти кричала. — Почему ты принял его вызов?! Почему не дал нам попытаться сразаться вместе?! Мы могли бы использовать завесу! Мы могли бы заманить его в ловушку! Мы...

— Мы не готовы, — перебил её Арт и открыл глаза. — Завеса ещё не протестирована в боевых условиях. Ловушки, которые я разработал, рассчитаны на внезапность, а он уже знает о них — или догадывается. Если бы мы попытались атаковать его сейчас, всей группой, он бы просто перебил нас по одному, используя наши слабости друг против друга. Ты это понимаешь. Ты сама это знаешь.

Айла замолчала. Он был прав — с чудовищной, неумолимой правотой, которую она так хорошо знала и которую так ненавидела в подобные моменты.

— Тогда почему ты не позволил мне пойти с тобой? — спросила она тише.

— Потому что если я умру, кто-то должен остаться, — ответил Арт. — Кто-то, кто знает все мои планы, все мои стратегии, все мои секреты. Кто-то, кто сможет удержать Форпост и продолжить моё дело. Ты — единственный человек, которому я доверяю эту задачу. Корд — сильный воин, но он не стратег. Рун — яростный боец, но он не лидер. Скольд — гениальный администратор, но он не способен принимать жёсткие решения. Только ты. Всегда была только ты.

Айла смотрела на него, и в её глазах блестели слёзы — возможно, впервые за всё время, что он её знал. Она, которая прошла через ад Бездны, не проронив ни слезинки; она, которая лично возглавила карательный рейд и превратила двадцать человек в пустые оболочки, не дрогнув ни на секунду, — сейчас она плакала.

— Я не хочу быть преемником, — прошептала она. — Я не хочу управлять Форпостом без тебя. Я хочу... — она запнулась, не в силах произнести эти слова.

— Я знаю, — тихо ответил Арт и взял её за руку — свою холодную ладонь в её тёплую, покрытую шрамами. — Я тоже этого хочу. Но мы не всегда получаем то, чего хотим. Мы получаем то, за что боремся.

Айла резко выдохнула и вытерла глаза. Когда она снова посмотрела на него, в её взгляде уже не было слёз. Только холодная, несгибаемая решимость — та самая, которую он видел перед каждой их великой битвой.

— Тогда у меня есть к тебе просьба, — сказала она.

— Какая?

— Пообещай мне, что ты используешь эти три процента. Не сдашься. Не примешь смерть как неизбежность. Будешь бороться до последней секунды, до последнего нейрона, до последнего вдоха. Дай мне слово.

— Обещаю, — ответил Арт.

— И ещё, — она сжала его руку так сильно, что её шрамы побелели, — если ты всё-таки умрёшь... я не прощу тебя. Никогда. За то, что оставил меня. За то, что заставил меня жить без тебя. За каждую секунду, которую я проведу здесь одна. Ты понял?

— Понял, — тихо ответил он.

Айла наклонилась и поцеловала его. Глубоко, отчаянно, словно этот поцелуй был последним. Арт ответил — так же отчаянно, сжимая её в объятиях, забыв на мгновение и о своём умирающем мозге, и о Викторе, и о приближающейся дуэли. Были только она и он, и этот момент, который мог стать последним.

Когда они оторвались друг от друга, Айла выпрямилась и глубоко вздохнула.

— Теперь иди, — сказала она. — У тебя два часа. Используй их с умом.

— А ты?

— Я буду готовить завесу. Если что-то пойдёт не так... если он попытается обмануть... я вмешаюсь. Не спрашивая разрешения. Не заботясь о правилах. Ты понял?

— Понял, — повторил Арт и встал из-за стола.

Оставшееся время он провёл в одиночестве, в своей комнате, медитируя и восстанавливая ментальную энергию. Он также провёл несколько быстрых расчётов, используя свой навык на минимальной мощности. Результаты были неутешительными. Девяносто семь процентов. Эта цифра не менялась, что бы он ни делал, какие бы тактики ни просчитывал. Оставалась только надежда на те самые три процента, которые были неподвластны его анализу. Три процента, в которых решающую роль играли не цифры, а нечто иное — интуиция, удача и, возможно, любовь.

Когда назначенный час настал, Арт вышел из таверны и направился к Арене. Его люди провожали его молчаливыми взглядами — никто не решался заговорить, никто не решался предложить помощь. Они знали, что это бессмысленно. Архитектор сделал свой выбор.

Айла стояла у входа на Арену. Она была одета в свой боевой костюм, а за спиной у неё висел небольшой ранец с ампулами завесы. Её лицо было холодным и отстранённым, но когда Арт приблизился, она сделала шаг навстречу и тихо, так, чтобы слышал только он, произнесла:

— Три процента. Помни.

— Помню, — ответил он и вошёл в ворота.

Арена встретила его привычным запахом крови и песка. Виктор уже был там — он стоял в центре, неподвижный как статуя, и ждал. Его светящиеся глаза не мигали.

— Ты пришёл, — произнёс он. — Я знал, что ты не струсил. Это единственное, что я в тебе уважаю, Архитектор. Твою готовность встретить смерть лицом к лицу.

— Я пришёл не умирать, — ответил Арт, останавливаясь в десяти метрах от противника.

— Это мы ещё посмотрим, — усмехнулся Виктор, и воздух вокруг него задрожал, готовясь к неизбежному столкновению.

Диалог у ворот был окончен. Начиналась дуэль.

— —

Конец Главы 2.

Глава 3. Заговор теней

Часть 1. Вакуум

Тишина, установившаяся в Разрушенном Форпосте после того, как ворота закрылись за Виктором, не была похожа ни на одну из тех, что Арт помнил. Это не было затишье перед бурей и не измученное молчание после битвы. Это была тишина вакуума — пространства, из которого стремительно выкачивают воздух. Люди расходились со двора медленно, словно контуженные, и каждый шаг отдавался в каменных плитах особенно гулко. Никто не смотрел друг другу в глаза. Никто не задавал вопросов. Все слышали цифру — девяносто семь процентов, — и каждый осознавал её значение по-своему.

Айла стояла у подножия лестницы, ведущей на стену, и смотрела на закрывшиеся ворота. Её лицо было холодным и отстранённым — маска, которую она носила так долго, что та стала почти неотличима от настоящего лица. Но внутри, там, где не действовала никакая «Анестезия» и где не помогали протоколы полевого хирурга, бушевал шторм. Она видела, как Арт поднялся в таверну. Видела, как он отдавал последние распоряжения Корду, Руну, Марте. Видела, как дрогнули его пальцы, когда он активировал интерфейс для подтверждения вызова. Никто другой этого не заметил. Но она заметила. Она всегда замечала то, что он пытался скрыть.

Два часа. У них было два часа до того, как ворота Арены откроются, и Архитектор выйдет на бой, исход которого был предрешён с вероятностью девяносто семь процентов. Два часа на то, чтобы либо принять неизбежное, либо найти способ изменить уравнение.

Айла не собиралась принимать неизбежное.

Она развернулась и направилась к таверне, но не вслед за Артом. Её путь лежал в лазарет — туда, где в одиночестве лежал Ларс и где она могла на несколько минут остаться наедине со своими мыслями. Ей нужно было подумать. Просчитать варианты. Понять, что она может сделать за эти два часа, чтобы увеличить шансы Арта с трёх процентов хотя бы до пяти.

Лазарет встретил её знакомой тишиной. «Сердце Змеи» пульсировало в своём контейнере, отбрасывая на стены дрожащие зелёные тени. Ларс, как всегда, спал — его лицо было безмятежным, дыхание ровным. Айла остановилась у его койки и посмотрела на мальчика, который стал для неё чем-то вроде немого укора. Она потратила столько сил, пытаясь его разбудить, и всё безрезультатно. Теперь, возможно, у неё не останется времени на новые попытки.

Она села на табурет и закрыла глаза. Её разум, привыкший к холодному анализу, начал просчитывать сценарии. Если она пойдёт на Арену вместе с Артом, Виктор использует её как рычаг давления. Если она останется в Форпосте и попытается управлять боем дистанционно, её возможности будут ограничены. Если она использует дымовую завесу вопреки правилам дуэли, Система может дисквалифицировать Арта, что приведёт к ещё более катастрофическим последствиям. Все пути вели к одному и тому же исходу: она бессильна.

Или нет?

Она открыла глаза и посмотрела на свои руки. Шрамы от Осколка Пустоты всё ещё были розовыми и блестящими, но пальцы двигались свободно. Она сжала их в кулаки. Боль была слабой, почти приятной — напоминание о том, что она уже однажды пожертвовала собой ради него. И она готова сделать это снова. Но не безрассудно. Не слепо. Если она не может помочь

ему на Арене, она поможет ему иначе. Она устранил угрозы, которые могут помешать ему сосредоточиться на бое. Она очистит тыл.

За последние недели она научилась видеть Форпост не просто как крепость, а как организм — сложную систему со своим кровообращением, нервной системой и, к сожалению, своими патологиями. И она знала, что прямо сейчас, пока все взгляды прикованы к восточным воротам, где-то в тени этого организма зреет метастаз.

Она встала и активировала свой медицинский сканер. На голографической панели развернулась карта нейронной активности ключевых фигур Форпоста, которую она отслеживала последние несколько дней. Большинство паттернов были в норме — повышенный стресс, тревожность, но ничего необычного. Однако несколько точек на карте пульсировали алым. Те самые контрактники, которых она изолировала после обнаружения неврознушения. Их мозговая активность в последние часы резко возросла, словно кто-то активировал спящую программу.

— Айла.

Она обернулась. В дверях лазарета стоял Шен. Разведчик появился бесшумно, как всегда, но его лицо выражало тревогу, которую он обычно не демонстрировал.

— Ты тоже это чувствуешь, — произнесла она, и это был не вопрос.

— Да. Что-то происходит. Мои люди на восточной стене заметили передвижения в квадрате 9-Гамма. Не монстры. Игроки. Они маскируются, но недостаточно хорошо. Словно хотят, чтобы их заметили.

— Отвлекающий манёвр?

— Или проверка нашей реакции. Корд уже отправил туда мобильную группу Руна, но я не уверен, что это правильное решение. Если это отвлекающий манёвр, то основной удар будет нанесён в другом месте.

Айла задумалась. Шен был прав. Всё это — вызов Виктора, его демонстрация силы, его ультиматум — могло быть частью более крупного плана. Не просто месть, а хорошо скоординированная операция по уничтожению Форпоста. Виктор был слишком умён, чтобы действовать в одиночку. Он должен был понимать, что даже если он убьёт Арта, Форпост останется стоять. Значит, у него был план и на этот случай.

— Шен, — сказала она, понижая голос, — мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. Неофициально. Без ведома Корда и тем более Арта.

Разведчик на мгновение замер, изучая её лицо. Затем он медленно кивнул.

— Говори.

— Я хочу, чтобы ты отследил всех, кто в последние дни проявлял необычную активность. Не на стенах, не в патрулях. Внутри Форпоста. В Канцелярии. В бараках. Среди контрактников.

Особенно тех, кого мы изолировали после обнаружения нейровнушения. Я хочу знать, с кем они общаются, куда ходят, о чём говорят. И главное — я хочу знать, кто ими управляет.

— Думаешь, за этим стоит кто-то из наших?

— Я ничего не думаю, — холодно ответила Айла. — Я собираю данные. А данные говорят, что нейровнушение, которому подверглись контрактники, требует близкого контакта с источником. Кто-то внутри Форпоста активировал их. И этот кто-то всё ещё здесь.

Шен помолчал, переваривая информацию. Затем он снова кивнул.

— Я сделаю это. Но если я найду что-то...

— Немедленно сообщи мне. Никому больше. Даже Архитектору. Особенно Архитектору.

— Почему?

— Потому что у него есть два часа, чтобы подготовиться к бою, от которого зависит всё. Если он узнает, что внутри Форпоста зреет заговор, он отвлечётся. Он начнёт просчитывать новые сценарии. Он потратит ментальную энергию, которая нужна ему для дуэли. Я этого не допущу.

Шен смотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Затем он тихо произнёс:

— Ты изменилась, Айла.

— Все меняются, — ответила она. — Особенно когда терять нечего.

Шен исчез так же бесшумно, как появился. Айла осталась одна в лазарете, глядя на пульсирующий алым маркер на своём сканере. Где-то в недрах Форпоста, среди людей, которые ещё вчера клялись в верности Архитектору, зрела измена. И она должна была найти её до того, как эта измена нанесёт удар в спину.

Она подошла к своему рабочему столу и открыла потайной ящик, о существовании которого не знал даже Арт. Внутри лежало несколько ампул с новой формулой дымовой завесы — более концентрированной, чем та, что она показывала ему, — и её личный дневник. Она взяла дневник и пролистала до последней записи, сделанной прошлой ночью.

«Арт думает, что я работаю над завесой для боя с Виктором. Это правда. Но не вся. Я также работаю над протоколом „Теневая чума“. Если кто-то попытается нанести удар в спину, пока он будет сражаться на Арене, я использую этот протокол. Он включает тотальную изоляцию всех подозреваемых, нейтрализацию их нейронной активности через газ на основе Осколка Пустоты и — в крайнем случае — физическое устранение. Я надеюсь, что до этого не дойдёт. Но я готова».

Она закрыла дневник и убрала его обратно. Затем она взяла ампулы и рассовала их по карманам своего кожаного фартука. Времени на сомнения не было. У неё было два часа, и она намеревалась использовать каждую минуту.

— — Часть 2. Приглашение

Прошло сорок минут с момента, как ворота закрылись за Виктором. Айла сидела в своём кабинете, просматривая данные от Шена, когда в дверь постучали. Это был необычный стук — не резкий, как у Корда, не торопливый, как у Скольда, а размеренный, вежливый, почти деликатный.

— Войдите, — произнесла она, не поднимая головы.

Дверь открылась, и на пороге появилась женщина, которую Айла не сразу узнала. Это была одна из клерков Канцелярии — тихая, незаметная, всегда державшаяся в тени. Её звали Ирма, и она работала под началом Скольда с первых дней создания Канцелярии. Она никогда не привлекала к себе внимания, никогда не задавала вопросов, никогда не высказывала недовольства. Идеальный винтик в бюрократической машине Архитектора.

Именно это и насторожило Айлу.

— Госпожа Айла, — произнесла Ирма, и её голос был тихим, почти подобострастным. — Могу я поговорить с вами наедине?

— Мы и так наедине, — ответила Айла, откладывая бумаги.

— Да, конечно. Но... — Ирма запнулась и оглянулась на дверь, словно опасаясь, что кто-то может подслушивать. — Дело очень деликатное. Касающееся Архитектора.

Айла почувствовала, как внутри что-то сжалось. Она знала этот приём — старый, как мир, но неизменно эффективный. Зацепить внимание, сыграть на страхе, заставить собеседника сделать первый шаг навстречу. Она сама использовала его десятки раз, когда нужно было разговорить упрямого пациента.

— Говорите, — холодно произнесла она, не показывая своего интереса.

Ирма подошла ближе и понизила голос до шёпота:

— Есть люди, которые хотят помочь Архитектору. Влиятельные люди. Они знают о его... состоянии. И они знают о предсказании. Девяносто семь процентов.

Айла не шелохнулась. Её лицо осталось холодным и отстранённым, но внутри всё звенело от напряжения.

— Кто эти люди?

— Я не могу назвать имена. Не здесь. Не сейчас. Но они просили меня передать вам послание. — Ирма достала из рукава маленький, свёрнутый в трубочку пергамент и протянула его Айле. — Здесь всё написано.

Айла взяла пергамент и развернула его. Текст был написан аккуратным, почти каллиграфическим почерком — не тем нервным, торопливым, каким писал Скольд, а спокойным, уверенным, как будто автор никуда не спешил.

«Госпожа Айла,

Мы знаем, что вы ищете способ спасти Архитектора. Мы тоже этого хотим. Его смерть невыгодна никому — ни его сторонникам, ни его врагам. Если он умрёт, Форпост рухнет, и хаос поглотит сектор. Мы не можем этого допустить.

У нас есть предложение. Приходите сегодня в старый склад №3 в квадрате 12-Гамма за час до дуэли. Мы обсудим, как можно изменить исход. Мы гарантируем вашу безопасность. От вас требуется только одно: готовность выслушать.

С уважением, те, кто желает Архитектору долгой жизни».

Айла прочитала послание трижды, прежде чем поднять глаза на Ирму. Клерк стояла неподвижно, сжимая руки перед собой, и в её взгляде было что-то странное — смесь страха и решимости, как у человека, который знает, что делает что-то запретное, но верит в свою правоту.

— Кто вас послал? — спросила Айла.

— Я не могу сказать. Правда, не могу. Но... — Ирма запнулась. — Я могу сказать, что эти люди — не враги. Они не хотят крови. Они хотят стабильности. Такой же, какую хочет Архитектор. Просто... другими методами.

— Чьими методами?

Ирма промолчала. Айла смотрела на неё и просчитывала варианты. Она могла задержать Ирму, допросить её с пристрастием, использовать сканер для анализа нейронной активности. Но это ничего не дало бы. Ирма была пешкой — мелкой, незначительной фигурой, которую использовали вслепую. Те, кто стоял за ней, наверняка предусмотрели такой вариант и подготовили пути отхода.

— Я подумаю, — произнесла Айла и спрятала пергамент в карман. — Идите.

Ирма поклонилась и выскользнула за дверь. Айла осталась одна.

Она сидела неподвижно несколько минут, переваривая информацию. Затем она активировала свой сканер и проверила нейронную активность Ирмы за последние часы. Данные подтверждали её подозрения: у клерка были те же аномалии, что и у изолированных контрактников. Слабое, но заметное нейровнушение, внедрённое кем-то изнутри. Ирма была не предателем — она была жертвой. Инструментом в чьих-то руках.

Айла встала и подошла к окну. Серое небо над Пустошами было всё таким же безжизненным, но теперь оно казалось ей не просто серым, а каким-то зловещим, словно сама атмосфера предвещала бурю. Где-то там, за стенами Форпоста, Виктор ждал своего часа. А где-то здесь, внутри стен, его невидимые союзники готовили удар в спину.

Она достала пергамент и перечитала его. «Те, кто желает Архитектору долгой жизни». Интересная формулировка. Достаточно размытая, чтобы не вызывать подозрений, но достаточно точная, чтобы зацепить её внимание. Автор послания знал, на что давить. Он знал, что она сделает всё, чтобы спасти Арта. И он предлагал ей именно это — способ спасти его.

Или иллюзию способа.

Айла приняла решение. Она пойдёт на эту встречу. Не потому что доверяла неизвестным «доброжелателям», а потому что это был единственный способ выйти на след заговора. Если она откажется, они уйдут в тень и нанесут удар в самый неподходящий момент. Если она пойдёт, у неё будет шанс узнать их планы и — возможно — разрушить их изнутри.

Но она не собиралась идти без подготовки.

Она активировала канал связи с Шеном.

— Ты отследил Ирму? — спросила она.

— Да, — раздался голос разведчика. — Она вернулась в Канцелярию и продолжила работу, как ни в чём не бывало. Но перед этим она заходила в архивный зал. Тот, что редко используется. Я отправил туда человека.

— Пусть проверит записи. Особенно те, что касаются контрактников с нейровнушением. И ещё, Шен... — она запнулась. — Ты помнишь о моей просьбе?

— Никому не сообщать, — ответил он. — Я помню.

— Хорошо. Продолжай наблюдение.

Она отключила связь и направилась в лазарет. Ей нужно было подготовиться к встрече. И, возможно, к тому, что последует за ней.

— — Часть 3. Старый склад

Старый склад №3 находился в заброшенной части Форпоста, куда редко заходили даже патрули. Когда-то, до прихода Архитектора, здесь хранили припасы, но после зачистки «Костоломов» здание было заброшено и постепенно разрушалось. Его стены, покрытые плесенью и копотью, накренились под неестественными углами, а крыша в нескольких местах провалилась, открывая вид на серое небо. Идеальное место для тайной встречи — удалённое, тёмное, с множеством путей отхода.

Айла пришла за пятнадцать минут до назначенного времени. Она была одна, без охраны, без видимого оружия. Только её кожаный фартук с карманами, в которых лежали ампулы с дымовой завесой (она модифицировала формулу, сделав газ невидимым и лишённым запаха) и «Шёпот смерти» на поясе. Она не собиралась использовать их без крайней необходимости, но была готова к любому повороту событий.

Внутри склада было темно и сыро. Воздух пах плесенью и старой гнилью. Айла активировала ночное зрение на своём сканере и осмотрелась. В дальнем углу, у обрушенной стены, горела одинокая масляная лампа. Вокруг неё стояли несколько фигур в тёмных плащах с капюшонами, скрывавшими лица.

— Вы пришли, — раздался голос из темноты. Он был низким, спокойным, с лёгкой хрипотцой. — Я знал, что вы не откажетесь.

Айла остановилась в нескольких метрах от группы.

— Вы хотели говорить со мной, — произнесла она холодно. — Я слушаю.

Фигура, стоявшая ближе всех к лампе, сняла капюшон. Это был мужчина лет сорока, с грубым, обветренным лицом и холодными серыми глазами. Айла узнала его — это был один из офицеров «Пламени», выживший после Королевской Битвы. Его звали Дориан. Тот самый, который несколько дней назад возглавлял делегацию нейтралов и предлагал Арту разделить власть. Тогда Арт отказал ему. Теперь, похоже, Дориан решил действовать иначе.

— Госпожа Айла, — произнёс он с лёгким поклоном. — Рад, что вы приняли наше приглашение.

— Переходите к делу, — отрезала она. — У меня мало времени.

— У всех нас мало времени, — согласился Дориан. — Через полтора часа Архитектор выйдет на Арену, и если всё пойдёт так, как он предсказал, он умрёт. Вы этого хотите?

— Нет.

— Мы тоже. Поэтому мы здесь. — Дориан сделал жест рукой, и остальные фигуры сняли капюшоны. Айла узнала некоторых из них: бывшие офицеры гильдий, выжившие нейтралы, даже пара торговцев, которые когда-то работали с Канцелярией. Все они были влиятельными людьми в своих кругах, но ни один из них не обладал достаточной силой, чтобы бросить вызов Архитектору в одиночку. Вместе — другое дело.

— Мы предлагаем вам сделку, — продолжил Дориан. — Мы поможем Архитектору выжить. У нас есть ресурсы, связи, информация. Мы знаем о Викторе больше, чем вы думаете. И мы готовы использовать это знание, чтобы изменить исход дуэли.

— В обмен на что?

— В обмен на вашу помощь. После дуэли — независимо от её исхода — Форпост окажется в сложном положении. Если Архитектор победит, он будет истощён и ослаблен. Если проиграет... вы понимаете. В любом случае, власть перейдёт к вам, не так ли? Вы — его преемник. Его тень. Та, кому он доверяет больше всех.

Айла не ответила. Она ждала продолжения.

— Мы хотим гарантий, — произнёс Дориан. — Мы хотим, чтобы после дуэли вы учли наши интересы при распределении власти. Не многое — место в совете, доступ к ресурсам, защита от произвола. Взамен мы предоставим вам информацию, которая может спасти Архитектора.

— Какую информацию?

Дориан усмехнулся.

— Например, о том, что Виктор не один. У него есть союзники внутри Форпоста. Люди, которые готовы нанести удар в спину, как только начнётся дуэль. Если вы не остановите их, Архитектор погибнет не от руки Виктора, а от кинжала в спину.

Айла почувствовала, как внутри всё похолодело. Она знала, что заговор существует. Но услышать подтверждение от того, кто, возможно, сам был его частью, — это было иначе.

— Назовите имена, — потребовала она.

— Сначала — гарантии. Клятва. Зафиксированная Системой. Вы станете нашей защитницей, а мы — вашими союзниками. И тогда вы получите всё, что мы знаем.

Айла просчитывала варианты. Она могла согласиться на сделку и получить информацию. Могла отказаться и попытаться найти заговорщиков самостоятельно — но времени было слишком мало. Могла атаковать Дориана и его людей прямо сейчас, используя дымовую завесу и «Шёпот смерти», — но это не гарантировало, что она получит нужные сведения.

Она выбрала четвёртый путь.

— Я согласна, — произнесла она и активировала интерфейс. — Клятва, зафиксированная Системой. Вы предоставляете мне информацию о заговоре, а я гарантирую вам защиту и место в совете после дуэли.

Дориан улыбнулся и тоже активировал интерфейс. Через несколько секунд Система подтвердила заключение контракта.

— Вот и всё, — произнёс он. — Теперь мы союзники.

— Информация, — холодно напомнила Айла.

— Да, конечно. — Дориан достал из складок плаща небольшой свиток и протянул ей. — Здесь список всех, кто участвует в заговоре. Их имена, места встреч, планы. И главное — имя их лидера. Того, кто всё это организовал.

Айла взяла свиток, но не стала разворачивать.

— Почему вы решили предать их? — спросила она.

— Потому что мы прагматики, — ответил Дориан. — Заговорщики — фанатики. Они хотят разрушить Форпост из мести. Мы же хотим сохранить его — но на наших условиях. С вами мы можем договориться. С ними — нет.

— И кто же их лидер?

Дориан посмотрел ей прямо в глаза.

— Тот, кого вы меньше всего подозреваете. Клерк из Канцелярии Прогнозов. Правая рука Скольда. Его имя — Маркус. И он ждёт сигнала, чтобы начать резню.

— — Часть 4. Паутина

Айла вернулась в лазарет с свитком в кармане. Она не стала читать его сразу — сначала нужно было проверить информацию через независимые источники. Она активировала канал связи с Шеном.

— Мне нужно, чтобы ты проверил одного человека, — произнесла она, и её голос был холоднее обычного. — Маркус. Клерк из Канцелярии. Правая рука Скольда.

На том конце линии повисла пауза. Затем Шен ответил:

— Маркус. Да, я знаю его. Тихий, исполнительный, никогда не привлекает внимания. Работает в Канцелярии с первых дней. Один из лучших клерков Скольда.

— Именно поэтому он идеальный кандидат, — произнесла Айла. — Проверь его передвижения за последние несколько дней. С кем он общался, куда ходил, какие документы запрашивал. И проверь его нейронную активность — у тебя есть доступ к сканерам.

— Будет сделано.

Айла отключила связь и наконец развернула свиток. Список был длинным — около двух десятков имён, от контрактников до офицеров среднего звена. Все они, согласно записям, были частью заговора. Их план был прост и жесток: в момент, когда Арт выйдет на Арену и все взгляды будут прикованы к поединку, заговорщики нанесут удар по ключевым точкам Форпоста. Казармы, склады, лазарет, Канцелярия — всё должно было быть захвачено одновременно. А затем, когда Форпост окажется в их руках, они намерены выдвинуть Виктору свои условия.

Но самое интересное было в другом. Согласно записям, лидер заговорщиков — Маркус — не был инициатором. Он был инструментом. Кем-то, кто получил приказ от третьей стороны. И этой третьей стороной был не Виктор.

Айла перечитала эту часть дважды. «Истинный кукловод не раскрывает своего лица. Он общается через нейровнушение и зашифрованные сообщения. Его цель — не власть, а уничтожение Архитектора любой ценой. Предположительно, он связан с теми, кто стоял за сетью „Связных“».

«Связные». Старая сеть информаторов и шпионов, которую они разгромили, но так и не уничтожили до конца. Они ушли в подполье после подавления бунта «Истинных», но их корни остались. И теперь, похоже, они снова дали ростки.

Айла отложила свиток и задумалась. Дориан дал ей ценную информацию, но он также попытался её использовать. Его предложение о союзе было ловушкой — не грубой, а тонкой, рассчитанной на то, что она, ослеплённая страхом за Арта, согласится на любые условия. Если бы она действительно заключила с ним сделку и дала клятву, зафиксированную Системой, она стала бы его марионеткой. Но она не дала клятву. Она симулировала согласие через подставной интерфейс, который сама же и создала несколько дней назад на случай подобной ситуации. Дориан думал, что они союзники. На самом деле он только что выдал ей всех своих поделельников.

Она активировала канал связи с Шеном.

— Есть новости по Маркусу?

— Да, — ответил разведчик, и в его голосе прозвучало напряжение. — Ты была права. Его нейронная активность аномальна. Такая же, как у изолированных контрактников. Кто-то внедрил в него программу. И ещё: он только что получил сообщение через зашифрованный канал. Мы не смогли перехватить его полностью, но ключевые слова ясны. «Сигнал — начало дуэли. Цели — лазарет и Канцелярия».

— Когда?

— Согласно сообщению, как только ворота Арены закроются.

Айла стиснула зубы. У них оставалось меньше часа.

— Шен, слушай внимательно. Ты должен немедленно изолировать Маркуса и всех, кто в списке. Без шума. Без паники. Используй своих людей. Если кто-то окажет сопротивление — нейтрализуйте. Живыми, если возможно. Если нет... — она запнулась. — Если нет, сделайте то, что должны.

— Понял. А ты?

— Я займусь тем, кто стоит за Маркусом.

Она отключила связь и направилась к выходу из лазарета. Времени на осторожность больше не было. Она должна была найти кукловода до того, как он нанесёт удар.

— — Часть 5. Кукловод

Айла шла через пустые коридоры Форпоста, и её шаги гулко отдавались в тишине. Большинство бойцов уже заняли позиции на стенах или готовились к бою. Гражданские попрятались по баракам. В таверне было тихо — даже Скольд, обычно суетившийся с бумагами, сидел в своём кабинете, не в силах работать.

Она направилась в Канцелярию. Если Маркус был правой рукой Скольда, то его рабочее место должно было содержать улики. Записи, сообщения, может быть, даже зашифрованные каналы связи с кукловодом.

Канцелярия встретила её неестественной тишиной. Обычно здесь всегда кипела работа — клерки скрипели перьями, Скольд бегал между столами, кто-то спорил о цифрах. Но сейчас помещение было пустым. Все клерки, кроме одного, были отпущены по баракам в связи с чрезвычайным положением.

За центральным столом, сгорбившись над бумагами, сидел Маркус.

Он был молод — не старше двадцати пяти лет, — с бледным, осунувшимся лицом и тёмными кругами под глазами. Его пальцы, испачканные чернилами, дрожали, но он продолжал писать, словно не замечая ничего вокруг. Когда Айла вошла, он поднял голову и посмотрел на неё. В его взгляде был страх — глубокий, всепоглощающий страх, смешанный с чем-то ещё. С обречённостью.

— Вы пришли за мной, — произнёс он, и это был не вопрос.

— Да, — ответила Айла, останавливаясь в нескольких шагах от его стола. — Ты знаешь почему.

Маркус отложил перо и выпрямился. Его лицо было спокойным, но глаза — глаза его выдавали. Они бегали, метались по сторонам, словно искали путь к бегству.

— Я не хотел этого, — тихо произнёс он. — Я не хотел никого предавать. Особенно Скольда. Он был добр ко мне. Он научил меня всему, что я знаю. Но... — он запнулся и опустил глаза. — Они заставили меня.

— Кто?

— Я не знаю их имён. Они общались со мной через сны. Через голоса в голове. Я думал, что схожу с ума. Но потом они показали мне... показали, что могут сделать с моим братом. С моим младшим братом, который работает в шахтах. Они сказали, что если я не буду им помогать, они убьют его. Медленно. Мучительно. И я...

Айла слушала его и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Она знала этот приём — нейровнушение, дополненное угрозой близким. Те, кто стоял за Маркусом, действовали по той же схеме, что и с другими контрактниками. Сначала внедряли программу через магическое воздействие, ослабляя волю. Затем добавляли страх — за себя, за родных, за будущее. И человек, даже самый преданный, становился инструментом.

— Твой брат жив, — произнесла она. — Я проверю это. Но если ты хочешь его спасти, ты должен помочь мне. Расскажи всё, что знаешь о тех, кто тобой управлял. Как они выходили на связь? Где встречались? Какие имена упоминали?

Маркус поднял на неё глаза. В них блестели слёзы.

— Они... они никогда не встречались со мной лично. Только через голоса. Но однажды, когда я получал инструкции, я заметил кое-что странное. Голос, который звучал в моей голове, использовал слова, которые я слышал раньше. Слова, которые используют только здесь, в Канцелярии. Специфические термины, профессиональный жаргон. Я подумал... я подумал, что тот, кто мной управляет, тоже работает здесь. Или работал раньше.

— Кто-то из Канцелярии, — произнесла Айла. — Кто-то, кто знает бухгалтерские термины. Кто-то, кто имел доступ к нейровнушению. Кто-то, кто был в курсе всех наших планов.

Она замолчала, перебирая в уме возможных кандидатов. И вдруг её осенило.

— Лекс, — прошептала она. — Лекс был не один.

Лекс. Молодой клерк, которого они утилизировали после покушения на Скольда. Он был кротом — это они знали. Но они считали, что он действовал в одиночку или по приказу внешних сил. Что, если у него был сообщник? Кто-то, кто остался в тени, когда Лекса раскрыли? Кто-то, кто продолжил его работу?

Айла активировала свой сканер и начала быстро просматривать данные по всем клеркам Канцелярии, которые работали в одно время с Лексом. Большинство из них были чисты — их нейронная активность была в норме. Но один паттерн привлёк её внимание. Клерк по имени Лин — тот самый, который пытался отравить её несколько дней назад. Она была парализована и допрошена, но Айла тогда не обратила внимания на одну деталь. Нейровнушение, которому подверглась Лин, было более сложным, чем у других. Оно не просто ослабляло волю — оно создавало ложные воспоминания, ложные мотивации.

И оно было активировано изнутри Форпоста. Не извне. Из кабинета, который находился в нескольких метрах от того места, где сейчас сидел Маркус.

— Кто работал с Лин? — спросила Айла, поворачиваясь к Маркусу. — Кто сидел за соседним столом? Кто обучал её?

Маркус побледнел ещё сильнее.

— Это... это был... — он запнулся. — Это был клерк по имени Вернер. Он исчез неделю назад. Сказал, что болен. Но я видел его вчера вечером. Он был в архивном зале. Разговаривал с кем-то через зашифрованный канал.

— Вернер, — повторила Айла. — Где он сейчас?

— Не знаю. Он не появлялся сегодня. Но он говорил что-то о складе №3. О том, что там будет встреча.

Айла стиснула зубы. Склад №3. То самое место, где она только что встречалась с Дорианом. Если Вернер был там, он мог видеть её. Мог понять, что она работает против заговорщиков. И мог предупредить остальных.

— Маркус, — произнесла она, поворачиваясь к выходу. — Ты останешься здесь. Ты не будешь пытаться бежать. Если ты попытаешься, мои люди тебя остановят. Если ты будешь сотрудничать, я позабочусь о твоём брате. Ты понял?

— Да, — прошептал он. — Я понял. Спасибо.

Айла не ответила. Она уже шла к выходу.

— — Часть 6. Охота

Время сжималось. До дуэли оставалось меньше получаса, и каждая минута была на вес золота. Айла шла через тёмные коридоры Форпоста, сверяясь со своим сканером. Она загрузила в него данные о Вернере — его нейронную сигнатуру, его обычные маршруты, места, где он бывал чаще всего. Сканер показывал, что последний раз его сигнатура была зафиксирована в архивном зале Канцелярии около часа назад. Затем она исчезла.

Архивный зал. То самое место, куда, по словам Шена, заходила Ирма после разговора с Айлой. Там что-то было. Что-то, что связывало всех заговорщиков в единую сеть.

Айла спустилась в подвальный этаж, где располагался архив. Это было мрачное, пыльное помещение, заставленное стеллажами с папками и свитками. Воздух здесь был спёртым, пропитанным запахом старой бумаги и плесени. Единственным источником света были тусклые алхимические горелки, развешанные по стенам.

Она медленно двинулась вдоль стеллажей, сканируя пространство. Её «Полевой хирург» был активирован на полную мощность, фиксируя малейшие движения и звуки. Тишина стояла оглушительная, но где-то в глубине архива, на границе слышимости, раздавался едва уловимый шорох. Кто-то был здесь. Кто-то прятался среди бумаг.

Айла вынула «Шёпот смерти» из ножен. Клинок тихо замерцал в темноте, словно предвкусывая бой.

— Вернер, — произнесла она, и её голос разнёсся под сводами архива. — Я знаю, что ты здесь. Выходи.

Тишина. Затем шорох усилился, и из-за дальнего стеллажа вышел человек. Он был низкого роста, щуплый, с бледным лицом и бегающими глазами. Его руки дрожали, но в них он сжимал короткий меч — оружие, явно не предназначенное для его неумелых рук.

— Госпожа Айла, — произнёс он, и его голос был тонким, почти визгливым. — Я не хотел... Я не хотел, чтобы всё так вышло. Они заставили меня. Они...

— Кто? — перебила его Айла. — Кто заставил тебя? Кто управлял Лин, Маркусом, контрактниками? Назови имя.

Вернер задрожал ещё сильнее. Его глаза метались по сторонам, словно он ожидал, что кто-то придёт ему на помощь.

— Я не могу... Они убьют меня... Если я скажу...

— Если ты не скажешь, я убью тебя, — холодно произнесла Айла и сделала шаг вперёд. — И поверь, я сделаю это гораздо медленнее и мучительнее, чем они. Я врач. Я знаю, как причинить боль, не убивая. У тебя есть три секунды, чтобы начать говорить.

Вернер всхлипнул и опустил меч.

— Это... это был он, — прошептал он. — Это был человек из Канцелярии. Не Лекс, не Лин, не Маркус. Они были просто пешками. Настоящий лидер... он работает здесь уже несколько месяцев. Он внедрился в нашу систему, когда она только создавалась. Он... — Вернер запнулся и упал на колени. — Он следил за мной. Он знал, что я расскажу вам. Он...

Внезапно его тело содрогнулось. Глаза расширились, рот открылся в беззвучном крике. Айла бросилась к нему, но было поздно. Вернер рухнул на пол, и из его рта потекла тонкая струйка крови. Его нейронная активность на сканере мигнула алым — и погасла.

Кто-то только что активировал встроенную в его мозг программу самоуничтожения. Кто-то, кто знал, что Вернер раскрыт, и решил убрать свидетеля.

Айла выпрямилась и огляделась. В архиве было пусто, но где-то здесь, среди стеллажей, прятался тот, кто только что убил Вернера. Тот, кто стоял за всем этим заговором. Тот, кто был истинным кукловодом.

Она активировала сканер и начала медленно обходить стеллажи. Её сердце билось ровно и спокойно — «Полевой хирург» глушил эмоции, оставляя только холодный, аналитический расчёт. Она знала, что идёт в ловушку. Знала, что враг ждёт её. Но у неё не было выбора. Если она не остановит его сейчас, он нанесёт удар в самый неподходящий момент.

За третьим стеллажом она заметила движение. Тень, мелькнувшая на фоне тусклого света горелок. Айла рванулась туда, заноса «Шёпот смерти» для удара. Но когда она обежала стеллаж, там никого не было. Только пустота и пыль, кружащаяся в воздухе.

— Вы опоздали, госпожа Айла, — раздался голос у неё за спиной.

Она резко развернулась и увидела его. Он стоял в нескольких метрах от неё, спокойный и уверенный, словно не боялся ничего на свете. Его лицо было скрыто капюшоном, но голос... голос был знакомым. Слишком знакомым.

— Кто ты? — спросила Айла, хотя уже знала ответ.

Человек медленно снял капюшон.

Это был Скольд.

— — Часть 7. Правда

На мгновение мир замер. Айла смотрела на человека, стоявшего перед ней, и её разум отказывался принимать увиденное. Скольд — нервный, дёрганный, вечно суеющийся Скольд, который боготворил Архитектора и дрожал от одной мысли о том, чтобы его подвести, — стоял перед ней с холодной, спокойной улыбкой на лице. Его глаза, обычно бегающие и полные тревоги, сейчас были холодны и сосредоточены. И в них было что-то, чего Айла никогда раньше не видела.

Интеллект. Холодный, расчётливый, безжалостный интеллект, который слишком долго прятался за маской нервного букмекера.

— Ты? — прошептала она. — Этого не может быть.

— Может, — ответил Скольд, и его голос изменился. Он больше не был дрожащим и заискивающим. Теперь он звучал ровно, спокойно, с той же уверенностью, с какой говорил сам Арт. — Ты удивлена, Айла. Это естественно. Я долго работал над тем, чтобы никто не заподозрил меня. И, надо признать, у меня получилось.

— Но зачем? — спросила она, и в её голосе прозвучала искренняя, почти детская растерянность. — Ты был одним из нас. Ты был правой рукой Архитектора. Ты создал Канцелярию, тотализатор, всю нашу экономику. Почему?

Скольд усмехнулся и сделал шаг вперёд. Айла инстинктивно подняла «Шёпот смерти», но он даже не взглянул на клинок.

— Почему? — переспросил он. — Потому что Архитектор убил моего сына.

Тишина, наступившая после этих слов, была оглушительной. Айла смотрела на Скольда и видела, как его лицо меняется. Холодная маска спокойствия треснула, и сквозь неё проступило что-то иное — глубокая, всепоглощающая, выжженная страданием ненависть.

— Мой сын был среди тех, кого Архитектор отправил в Мёртвые Земли вместе с Виктором, — продолжил Скольд, и его голос задрожал — но не от слабости, а от сдерживаемой ярости. — Он был молодым бойцом, полным надежд. Он верил в Архитектора. Верил в порядок, который ты, — он кивнул на Айлу, — помогла ему построить. И когда Архитектор решил, что он «потенциальная угроза», он вычеркнул его из уравнения так же легко, как вычёркивал цифры из своих расчётов.

— Я не знала, — тихо произнесла Айла. — Я не знала, что у тебя был сын.

— Никто не знал, — ответил Скольд. — Я не афишировал это. Я хотел, чтобы он сам добился успеха. Чтобы его уважали за его собственные заслуги, а не за то, что он сын Главы Канцелярии. И он добился. Он стал хорошим бойцом. А потом Архитектор убил его. Не в бою. Не за преступление. Просто потому что так было удобнее.

Он сделал ещё шаг вперёд. Теперь они стояли в нескольких метрах друг от друга — Айла с клинком в руке, Скольд с пустыми руками, но почему-то казалось, что преимущество было на его стороне.

— Ты думаешь, я не знаю о твоём предсказании? — спросил он тихо. — Девяносто семь процентов. Ты думаешь, я не знаю, что Архитектор умрёт сегодня? Я знаю. И я сделаю всё, чтобы это случилось.

— Это ты управлял заговорщиками, — произнесла Айла. — Ты внедрил нейровнушение в контрактников. Ты использовал Маркуса, Лин, Лекса. Ты пытался убить себя, чтобы отвести подозрения.

— Да, — подтвердил Скольд, и в его голосе не было ни капли сожаления. — Удар ножом в спину был инсценировкой. Лекс сделал это по моему приказу. Я знал, что после этого никто не заподозрит во мне крота. Жертва, истекающая кровью, не может быть предателем. И это сработало, не так ли?

Айла стиснула зубы. Она вспомнила, как стояла над истекающим Скольдом, как оперировала его, как боялась, что он умрёт. А он всё это время играл роль.

— Ты чудовище, — произнесла она.

— Чудовище? — Скольд горько усмехнулся. — Посмотри на себя, Айла. Ты превратила двадцать человек в пустые оболочки. Ты вырезала души из людей, которые просто хотели выжить. Ты стоишь здесь с клинком в руке и называешь меня чудовищем? Мы оба — творения Архитектора. Просто ты всё ещё веришь в его ложь, а я — нет.

Он достал из кармана небольшую ампулу с мутно-зелёной жидкостью. Айла узнала её — это была одна из ампул дымовой завесы, которую она сама разработала.

— Ты украл мою завесу, — произнесла она.

— Не украл, — поправил Скольд. — Скопировал. У меня было достаточно времени, чтобы изучить твои разработки. И, надо сказать, ты гениальный химик. Эта штука способна парализовать целый отряд. — Он подбросил ампулу в воздух и поймал её. — Я планировал использовать её, чтобы нейтрализовать охрану Архитектора перед дуэлью. Но, учитывая обстоятельства...

Он сделал быстрое движение рукой, и ампула разбилась у его ног. Зелёный газ начал стремительно расплзаться по архиву. Айла отшатнулась, прикрывая рот и нос рукавом, но часть газа уже попала в её лёгкие. Она почувствовала, как тело начинает неметь, а сознание — затуманиваться.

— Прощай, Айла, — произнёс Скольд, отступая в тень. — Ты могла бы стать отличным лидером. Жаль, что ты выбрала не ту сторону.

Он исчез в темноте, оставив Айлу одну в заполняемом газом архиве.

— — Часть 8. Противоядие

Айла упала на колени. Газ действовал быстро — слишком быстро. Её собственное творение, созданное для того, чтобы спасти жизни, теперь убивало её. Ирония, которую она оценила бы в другой ситуации. Но не сейчас. Сейчас она должна была выжить. Должна была остановить Скольда. Должна была предупредить Арта.

Она попыталась активировать «Полевого хирурга», чтобы нейтрализовать действие газа, но её ментальная энергия была на исходе. Она потратила слишком много сил за последние часы — на сканирование, на допросы, на охоту за заговорщиками. Её резервы были пусты.

И всё же она не сдалась. Она достала из кармана фартука последнюю ампулу — не с завесой, а с регенератором, который она всегда носила с собой на случай крайней необходимости. Разбила её о пол и вдохнула пары. Жгучая боль пронзила лёгкие, но вместе с ней пришла и ясность сознания. Регенератор не был противоядием, но он дал ей несколько минут — достаточно, чтобы выбраться из архива и предупредить остальных.

Она, шатаясь, поднялась на ноги и побрела к выходу. Каждый шаг давался с трудом, словно её ноги были налиты свинцом. В висках пульсировала боль, а перед глазами всё расплывалось. Но она шла. Она не могла позволить себе упасть. Не сейчас. Не когда Скольд был готов нанести удар.

У выхода из архива её встретил Шен. Увидев её состояние, он побледнел.

— Что случилось? Ты ранена?

— Скольд... — прохрипела Айла, хватаясь за его плечо, чтобы не упасть. — Скольд... это он. Он — кукловод. Он использовал всех нас. Он... — она закашлялась и сплюнула кровью на каменный пол. — Он хочет, чтобы Арт умер. Он ударит во время дуэли.

Шен стиснул зубы и активировал канал связи.

— Всем постам! Немедленно задержать Скольда! Повторяю: Скольд — предатель. При попытке сопротивления — уничтожить!

— Он ушёл, — прошептала Айла. — Он знал, что я его раскрою. Он готовился к этому. У него есть план.

— Какой план?

— Не знаю. Но он украл мою завесу. Модифицировал её. Если он использует её во время дуэли... — она запнулась, и её глаза расширились от ужасной догадки. — Арт не сможет видеть. Завеса блокирует визуальный контакт. А без визуального контакта его навик...

— ...станет бесполезен, — закончил Шен, и его лицо побледнело ещё сильнее.

— — Часть 9. Финал отсчёта

До дуэли оставалось пятнадцать минут. Айла стояла на стене Форпоста, глядя на восток. Её тело всё ещё не полностью оправилось от действия газа, но она не обращала на это внимания. Внутри неё что-то сгорело и переплавилось заново — страх, ярость, отчаяние сплелись в единую, холодную решимость.

Она не могла предупредить Арта. Он уже вошёл в зону подготовки к дуэли и был недоступен для внешней связи. Она могла только ждать. И молиться — хотя она никогда не верила в богов.

Шен со своими людьми прочёсывал Форпост в поисках Скольда, но предатель исчез, словно растворился в воздухе. Его кабинет был пуст, его бумаги — уничтожены, его личные вещи — исчезли. Он подготовился к этому моменту лучше, чем они могли себе представить.

Айла смотрела на свои руки — покрытые шрамами, дрожащие от перенапряжения. Она вспомнила слова Скольда: «Мы оба — творения Архитектора. Просто ты всё ещё веришь в его ложь, а я — нет». В этих словах была своя извращённая логика. Арт действительно создал их. Он выковал из них инструменты — точные, эффективные, безжалостные. Айла стала его скальпелем, Скольд — его счётной машинкой. Но инструменты иногда ломаются. Иногда восстают против своего создателя.

Только Айла не восстала. Она по-прежнему была на его стороне. Даже сейчас, когда шансы были ничтожны, когда всё указывало на то, что он умрёт, она продолжала верить. Не в его непогрешимость — она слишком хорошо знала его ошибки. И не в его план — она понимала, что любой план может провалиться. Она верила в него самого. В человека, который прятался за маской Архитектора. В человека, который боялся за неё так же сильно, как она боялась за него.

Где-то внизу, на Арене, прозвучал сигнал. Дуэль началась.

Айла закрыла глаза и сжала кулаки. Она сделала всё, что могла. Теперь настала его очередь.

— —

Конец Главы 3. Заговор теней.

Глава 4. Кодекс Слабостей

Часть 1. Наследие Архитектора

В кабинете Архитектора царил полумрак. Единственным источником света была голографическая панель интерфейса, пульсирующая перед Артом холодным голубоватым свечением, да несколько алхимических горелок, расставленных по углам. Их зеленоватое пламя едва колебалось — вентиляция в таверне работала безупречно, и всё же воздух казался спёртым, тяжёлым, пропитанным запахом старых бумаг, чернил и неизбывной тревоги.

Арт сидел за массивным дубовым столом, который был свидетелем стольких военных советов и тайных совещаний. Сейчас на нём не было ни тактических карт, ни бухгалтерских ведомостей. Только одна-единственная папка — медицинское досье с грифом «Совершенно секретно», которое Айла положила перед ним час назад. Он не открывал её. Он знал её содержание наизусть. Имена. Доказательства. Приговор.

Скольд.

Это имя всё ещё отдавалось в его сознании странным, неестественным эхом, словно слово на чужом языке, значение которого он никак не мог осознать. Скольд — его правая рука, его главный администратор, человек, который построил Канцелярию Прогнозов с нуля и превратил её в совершенную бюрократическую машину. Скольд — который дрожал от страха перед каждым военным советом, который боготворил Архитектора почти религиозно, который плакал, когда Арт возвращался из Бездны живым. Этот Скольд оказался предателем. Кукловодом. Человеком, который в течение нескольких недель плёл сеть заговора прямо под носом у того, кого он якобы боготворил.

И причина — о, причина была самой болезненной частью всего этого уравнения.

Сын. У Скольда был сын. Молодой боец, которого Арт отправил в Мёртвые Земли вместе с Виктором и десятком других «потенциально нестабильных элементов». Тогда, несколько недель назад, это решение казалось рациональным. Холодный расчёт: удалить переменные, которые могли создать проблемы в будущем, — и тем самым укрепить стабильность Форпоста. Обычная профилактика. Одна из сотен подобных операций, которые он проводил, не задумываясь о человеческой цене.

Теперь эта цена стояла перед ним, облечённая в плоть и кровь. Скольд, которого он считал своим вернейшим союзником, желал ему смерти. И не просто желал — активно работал над этим, внедряя нейровнушение в контрактников, вербуя агентов, готовя переворот.

Арт закрыл глаза и активировал «Анестезию» на полную мощность. Эмоции — вина, гнев, горечь, — которые грозили прорваться сквозь защитные барьеры, были подавлены почти мгновенно, но не полностью. Что-то осталось. Какой-то осадок на дне сознания, который не растворялся в холодной кислоте его самообладания. Он проанализировал это ощущение и идентифицировал его как... усталость. Не физическую, хотя его тело, изношенное постоянным использованием навыка и последствиями эксперимента с Осколком Пустоты, давно требовало отдыха. Усталость душевную. Экзистенциальную. Усталость от бесконечного цикла предательств, заговоров и смертей, который он сам же и породил.

— Арт, — раздался голос от двери.

Он открыл глаза. Айла стояла на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку. Она была одета в свою обычную серую робу, но кожаный фартук, который она обычно носила поверх, был снят. Вместо него на поясе висел «Шёпот смерти» — клинок из хребта Костяного Змея, тот самый, что она пронесла через все их битвы. Её волосы, обычно собранные в тугий узел, были распущены и свободно падали на плечи. Она выглядела уставшей — тёмные круги под глазами, бледность, — но в её взгляде горел всё тот же несгибаемый огонь.

— Ты опять не спал, — констатировала она, проходя в кабинет. — Третьи сутки. Или уже четвёртые? Я сбилась со счёта.

— Я спал достаточно, — ответил Арт, и это была ложь. Он не спал с тех пор, как Виктор пересёк ворота Форпоста. Его мозг, изнурённый постоянным сканированием Системной Паутины и просчётом вероятностей, работал на последних резервах. Но он не мог позволить себе отдых. Не сейчас. Не когда до дуэли оставались считанные часы.

Айла не стала спорить. Она слишком хорошо его знала, чтобы тратить время на бесполезные уговоры. Вместо этого она подошла к столу, взяла папку с досье Скольда и пролистала её, хотя тоже знала содержание наизусть.

— Шен прочёсывает нижние уровни, — сообщила она. — Скольд исчез. Его кабинет пуст, личные вещи собраны, бумаги уничтожены. Похоже, он готовился к этому несколько дней. Возможно, с того самого момента, как ты объявил о дуэли. Он знал, что рано или поздно мы выйдем на его след, и подготовил пути отхода.

— Он умён, — произнёс Арт, и в его голосе не было ни гнева, ни осуждения. Только холодная констатация факта. — Гораздо умнее, чем я предполагал. Все эти недели он играл роль нервного, неуверенного в себе счетовода, который боится собственной тени. А на самом деле он разрабатывал операцию, которая едва не уничтожила Форпост изнутри. Я недооценил его.

— Ты не мог знать, — возразила Айла и опустила папку обратно на стол. — Никто не мог. Он скрывал свои мотивы слишком хорошо.

— Я должен был знать. — Арт поднял на неё глаза. — Я Архитектор. Моя задача — видеть скрытое. Просчитывать вероятности. Предсказывать угрозы. А я просмотрел врага, который находился в нескольких метрах от меня, в моём собственном штабе. Это не просто ошибка, Айла. Это провал. Системный провал, который ставит под вопрос всё, что я построил.

— И что ты собираешься делать? — спросила она, и в её голосе прозвучала осторожность. Она знала этот тон. Тон человека, который принимает решение, способное изменить всё.

Арт встал из-за стола и подошёл к окну. Серое небо над Пустошами было всё таким же безжизненным, как и всегда. Где-то там, за стенами Форпоста, Виктор ждал своего часа. А где-то в недрах самого Форпоста Скольд, возможно, всё ещё прятался, выжидая момент для удара. Двое врагов — один явный, другой скрытый. И оба желали ему смерти.

— Я не буду охотиться на Скольда, — произнёс он наконец.

Айла моргнула.

— Что? Арт, он предатель. Он пытался убить меня. Он украл мою завесу. Он в любой момент может нанести удар по нашим людям. Ты не можешь просто...

— Я не сказал, что мы не будем его искать, — перебил её Арт и повернулся от окна. — Шен продолжит прочёсывать сектор. Корд усилит охрану ключевых точек. Но я лично не потрачу ни минуты своего оставшегося времени на месть Скольду. У меня есть дело более важное.

— Более важное, чем кукловод, который едва не развалил твою империю?

— Да. — Арт вернулся к столу и активировал голографическую панель. Перед ним развернулась Системная Паутина — бесконечная сеть из триллионов светящихся нитей, пронизывающая всю реальность Пантеона. Он смотрел на неё несколько секунд, и его лицо, освещённое холодным голубоватым светом, казалось высеченным из камня. — Ты спрашивала меня, как я собираюсь использовать свои три процента. Сейчас я тебе покажу.

Он начал работать.

Айла стояла рядом и смотрела, как его пальцы, необычайно быстрые и точные, летают над голографической панелью. Арт выводил данные, систематизировал их, сортировал по категориям — с той же методичностью, с какой когда-то составлял свои знаменитые «Списки». Но в этот раз он делал нечто иное. Не анализ текущей ситуации, не прогноз вероятных исходов. Он создавал документ. Огромный, всеобъемлющий, детализированный до мельчайших подробностей документ, который вбирал в себя все знания, накопленные им за долгие недели пребывания в Пантеоне.

Каждого монстра, с которым они сталкивались. Каждого босса, которого они побеждали. Каждый класс игроков с его сильными и слабыми сторонами. Тактики, уязвимости, скрытые механики, баги, эксплойты. Всё, что он знал, всё, что он видел через свой навык, всё, что он просчитывал своим разумом, — всё это методично, строка за строкой, страница за страницей, переносилось в документ, которому он ещё не дал названия.

Прошёл час. Айла не двигалась. Она наблюдала за его работой, и постепенно её лицо, сначала выражавшее недоумение, начало меняться. Она начинала понимать.

— Ты создаёшь книгу, — тихо произнесла она.

— Не просто книгу, — ответил Арт, не отрываясь от панели. — Кодекс. Полный реестр уязвимостей всех известных существ и классов в Пантеоне. Каждая слабость, каждая уязвимая точка, каждый тактический просчёт, который может стоить жизни. Всё, что я видел своим навыком, всё, что я анализировал, всё, чему я научился за время своего существования здесь.

— Но зачем? — спросила Айла, и в её голосе прозвучала растерянность. — Это знание — твоя главная сила. Единственное, что даёт тебе преимущество перед Виктором. Если ты опубликуешь это...

— Если я опубликую это, — перебил её Арт, — мой навык перестанет быть уникальным. Любой новичок, только что вошедший в Пантеон, будет знать то, что я узнал ценой месяцев борьбы, боли и потерь. Моё преимущество исчезнет. Моя сила — сила Архитектора — растает.

— Тогда почему?!

Арт наконец оторвался от панели и посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что я уйду, Айла. Через несколько часов меня, возможно, не станет. И если я уйду, забрав это знание с собой в могилу, что останется после меня? Империя, построенная на моём уникальном даре, рухнет в течение нескольких недель после моей смерти. Мои люди, которых я обещал защищать, погибнут. Порядок, который я создавал кровью и расчётами, обратится в хаос. Но если я передам это знание миру — если я сделаю его общедоступным, впишу в саму ткань этой реальности — тогда моя смерть не уничтожит моё наследие. Наоборот, она его увековечит.

Айла молчала, переваривая его слова. Её лицо было бледным, но в глазах — холодных, серых, — горел напряжённый мыслительный процесс. Она просчитывала последствия. Как врач, как стратег, как человек, который лучше всех понимал его извращённую логику.

— Ты хочешь лишить Виктора смысла его мести, — произнесла она наконец.

— В том числе, — согласился Арт. — Он пришёл сюда, чтобы доказать, что я — чудовище, которое уничтожает людей ради стабильности. Он прав. Я был таким. Но я также был учителем. Стратегом. Архитектором, который создавал порядок из хаоса. Если я опубликую этот Кодекс, мир увидит не только мои преступления, но и моё наследие. И Виктор, даже если он убьёт меня, не сможет этого изменить.

— А Скольд? — спросила Айла. — Как это повлияет на его планы?

— Уничтожит их. — Арт позволил себе слабую, почти незаметную улыбку. — Скольд строил свой заговор на предположении, что после моей смерти он сможет использовать свои знания тотализатора и экономики, чтобы захватить власть. Но если каждый игрок в Пантеоне будет знать уязвимости каждого класса и каждого монстра, его знание рынка потеряет цену. Канцелярия Прогнозов станет ненужной. Тотализатор рухнет. Вся его бюрократическая машина, которую он так тщательно выстраивал, обратится в пыль. Он хотел уничтожить меня — я уничтожу смысл его существования.

Айла медленно кивнула. Затем она подошла к столу и активировала свой собственный медицинский сканер.

— Если ты делаешь это, — произнесла она, и её голос прозвучал деловито, почти буднично, — то делай как следует. Мои архивы содержат данные по анатомии и физиологии более двух сотен существ Пантеона. Я собирала их в течение нескольких недель, для исследований. Они дополнят твой анализ медицинскими деталями. Уязвимости органов, слабые места в магических каналах, точки перелома костей — всё, что может пригодиться в бою.

Арт посмотрел на неё и почувствовал, как внутри что-то сжалось. Она понимала его без слов, как всегда. Она знала, что он задумал, ещё до того, как он сам сформулировал это

словами. И она готова была помогать ему, даже если это означало, что их уникальное знание — то самое, что делало их непобедимым дуэтом, — станет всеобщим достоянием.

— Спасибо, — тихо произнёс он.

— Не за что, — ответила она и начала загружать данные в общий документ. — Давай работать. У нас мало времени.

Часть 2. Анатомия знания

Следующие несколько часов прошли в лихорадочной, почти невыносимой по своей интенсивности работе. Арт и Айла, двое самых блестящих умов Форпоста, объединили свои навыки для создания документа, подобного которому Пантеон ещё не видел.

Арт погружался в Системную Паутину снова и снова, выискивая слабые места в структуре каждого существа, каждого класса, каждой игровой механики. Его навык, работавший на пределе возможностей, выдавал данные с такой скоростью, что обычный человек не смог бы их обработать. Но Арт не был обычным человеком. Его разум, закалённый неделями постоянного анализа, впитывал информацию, систематизировал её, превращал в чёткие, понятные формулировки.

Он описывал падальщиков первого уровня — их слабые места на брюхе, их уязвимость к огню, их предсказуемые паттерны атаки, которые делали их лёгкой добычей даже для новичка. Он детализировал Крысиных Маток — их материнский инстинкт, который можно использовать как приманку, их уязвимость к атакам в спину во время кормления потомства. Он анализировал Гнилостных Великанов — их медлительность, их слепые зоны, их чувствительность к определённым частотам звука, которая могла дезориентировать их перед атакой.

Затем он перешёл к классам игроков. Берсерки — их ярость, которая делает их сильнее, но одновременно снижает точность; их уязвимость к дистанционным атакам и тактикам на истощение. Медики — их зависимость от магической энергии, их низкая физическая защита, их склонность к самопожертвованию, которую можно использовать, атакуя их пациентов. Маги — их долгое время кастования, их хрупкость в ближнем бою, их уязвимость к антимагическим амулетам. Разведчики — их зависимость от скрытности, их слабая броня, их склонность к одиночным действиям, которая делает их неэффективными в командном бою.

Он описывал существ Бездны — «бесформенных», которые реагируют на цвет и теряют связь с реальностью при абсолютной тишине; Тварь 99-го уровня, что боится вакуума и не может существовать в среде, лишённой любых вибраций; сферы-миражи, которые питаются страхом и отключаются при полном эмоциональном контроле. Всё, что они узнали ценой крови, пота и почти смертельных жертв, теперь ложилось на страницы Кодекса.

Айла работала рядом, добавляя свои медицинские комментарии. Она описывала анатомию каждого существа с точностью хирурга, указывая, какие органы наиболее уязвимы, какие кости легче всего сломать, какие нервные узлы при поражении вызывают мгновенный паралич. Она дополняла тактические выкладки Арта практическими советами по оказанию первой помощи — при ранениях, отравлениях, магических ожогах. Её раздел о ядах и противоядиях был настолько детальным, что мог служить самостоятельным учебником для полевых медиков.

В какой-то момент, когда они работали над разделом о вивернах, Арт почувствовал, как боль в висках усилилась до такой степени, что перед глазами начали мелькать тёмные пятна. Он остановился и прижал пальцы к вискам, пытаясь подавить спазм.

— Арт, — Айла мгновенно оказалась рядом. Её руки, покрытые шрамами от Осколка Пустоты, легли ему на плечи. — Ты перегружаешься. Твоя ментальная энергия упала до двадцати процентов. Ты должен остановиться.

— Не могу, — ответил он, не открывая глаз. — Я ещё не закончил. Нужно дописать раздел о боссах Бездны. И о Топ-классах. И о...

— Ты убьёшь себя раньше, чем выйдешь на Арену, — резко перебила его Айла. — Если ты рухнешь здесь без сознания, вся эта работа будет напрасной. Виктор победит, даже не обнажив меча.

— Я знаю. — Арт открыл глаза и посмотрел на неё. — Но я должен закончить. Это единственное, что я могу сделать.

Айла долго молчала, глядя ему в глаза. Затем она кивнула, отпустила его плечи и вернулась к своему месту.

— Тогда дай мне закончить медицинский раздел, — сказала она. — Я знаю анатомию лучше тебя. Ты сконцентрируйся на тактике. Разделим работу — сэкономим время и силы.

Арт кивнул и снова погрузился в Системную Паутину.

Прошло ещё два часа. Документ разросся до колоссальных размеров. Он содержал детальные описания более трёхсот видов монстров, полную классификацию всех известных классов игроков, тактические схемы для групповых и одиночных боёв, рекомендации по экипировке и распределению характеристик. Он был настолько всеобъемлющим, что любой новичок, только что вошедший в Пантеон и прочитавший этот Кодекс, мог бы сравняться по тактической грамотности с ветераном, прошедшим в игре несколько месяцев.

Наконец, когда последняя страница была заполнена, Арт откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Его ментальная энергия упала до критического уровня — пятнадцать процентов. Его мозг, изношенный постоянным использованием навыка, пульсировал болью, которая уже не утихала даже под действием «Анестезии». Но он чувствовал странное, почти забытое удовлетворение. Словно он закончил работу всей своей жизни.

— Готово, — тихо произнёс он.

Айла закончила свой раздел несколько минут назад и теперь сидела молча, глядя на готовый документ. Её лицо было бледным и уставшим, но в нём читалось то же странное удовлетворение.

— Как мы его назовём? — спросила она.

— «Кодекс Слабостей», — ответил Арт, не задумываясь. — Пусть название говорит само за себя. Это не тактическое руководство, не учебник по выживанию. Это именно кодекс — свод законов, управляющих слабостями всего сущего в этом мире.

— Хорошее название, — согласилась Айла. — И что теперь? Как ты собираешься его опубликовать?

Арт открыл глаза и выпрямился.

— Через Систему.

— Через Систему? — переспросила она. — Ты хочешь сказать...

— Я использую свой доступ «Системного Букмекера» и навык «Редактор коэффициентов», чтобы вписать Кодекс в стартовый инвентарь всех новых игроков. Это будет не просто публикация. Это будет изменение правил игры на фундаментальном уровне.

Айла побледнела.

— Арт, это... это вмешательство в базовые протоколы Системы. То, что ты делал раньше — редактирование вероятностей, изменение коэффициентов, — всё это было в рамках допустимого. Но вписать новый предмет в стартовый инвентарь всех новичков... это уровень администратора. Если ты попытаешься это сделать, Система может отреагировать непредсказуемо. Фантом может снова активироваться и...

— Фантом не вмешается, — перебил её Арт. — Он сам говорил, что его протокол допускает сотрудничество, если оно снижает энтропию. А Кодекс Слабостей, если он станет общедоступным, кардинально снизит энтропию в долгосрочной перспективе. Игроки будут умирать реже. Новички будут выживать чаще. Общий уровень хаоса в секторах упадёт. Это именно то, чего хочет Система.

— А если ты ошибаешься?

— Тогда меня удалят раньше, чем Виктор успеет это сделать. — Арт пожал плечами. — В любом случае, я уже мёртв с вероятностью девяносто семь процентов. Рискнуть ещё несколькими процентами ради такого наследия... это приемлемая цена.

Айла не стала спорить. Она слишком хорошо его знала, чтобы пытаться отговорить. Если Архитектор принял решение, он доведёт его до конца, даже если это будет стоить ему жизни.

— Тогда действуй, — тихо произнесла она. — Я буду рядом.

Часть 3. Системное вмешательство

Арт активировал интерфейс на полную мощность и погрузился в Системную Паутину так глубоко, как никогда раньше. Это было похоже на прыжок в ледяную воду — холод, пронизывающий каждую клетку, давление, сжимающее сознание, ощущение бесконечной, непостижимой сложности мира, который разворачивался перед ним.

Он видел Систему не как абстрактное понятие, а как архитектуру. Многослойную, невероятно сложную, но подчиняющуюся определённым законам. Административный слой, к которому у него был частичный доступ благодаря его аномальному навыку, располагался где-то на границе между миром игроков и ядром Системы. Здесь, в этом слое, хранились протоколы генерации навыков, распределения предметов, управления контрактами. И здесь же находился тот самый реестр стартового инвентаря, который он намеревался изменить.

Он нашёл его — огромную, бесконечно ветвящуюся структуру данных, в которой каждый предмет, каждая единица экипировки, каждый расходный материал были зарегистрированы и привязаны к определённым условиям. Стартовый инвентарь новичков был одним из подразделов этой структуры. Арт начал осторожно, миллиметр за миллиметром, внедрять Кодекс Слабостей в этот раздел. Это требовало колоссальной концентрации. Каждая ошибка, каждое неверное движение могли привести к отторжению — и тогда Система не просто откажется принять его дар, но и, возможно, накажет его за вторжение.

Боль в висках усилилась. Перед глазами начали мелькать тёмные пятна. Его ментальная энергия падала с угрожающей скоростью. Пятнадцать процентов. Десять. Восемь. Он знал, что если упадёт ниже пяти, его мозг может не выдержать нагрузки и отключиться. Но он продолжал, потому что остановиться на полпути было невозможно.

Айла стояла рядом, сжимая его плечо. Она не говорила ни слова — её присутствие было молчаливым якорем, который удерживал его от падения в бездну.

И вот, наконец, процесс был завершён. Арт вплёл последнюю нить данных в ткань Системы и отстранился. На мгновение ничего не происходило. Затем его интерфейс ожил серией системных уведомлений:

«Внимание. Зафиксирована попытка изменения базового реестра стартового инвентаря».

«Источник изменения: пользователь „Art_Analyst“. Уровень доступа: аномальный».

«Анализ изменения...»

«Изменение признано не противоречащим базовым принципам стабильности. Содержание изменения: добавление предмета „Кодекс Слабостей“ в стартовый инвентарь всех новых игроков».

«Предмет „Кодекс Слабостей“ классифицирован как обучающий материал. Ранг: легендарный. Эффект: предоставляет информацию об уязвимостях существ и классов Пантеона».

«Решение: принять изменение. Протокол наблюдения „Альфа-7“ переведён в режим мониторинга».

И затем — последнее, самое важное уведомление:

«Внимание всем игрокам Пантеона. В стартовый инвентарь всех новых игроков добавлен предмет „Кодекс Слабостей“. Данный предмет создан пользователем „Art_Analyst“ и признан Системой ценным для выживания».

Арт выдохнул и открыл глаза. Он всё ещё сидел в своём кабинете. Айла стояла рядом, и её лицо выражало смесь облегчения и тревоги. На голографической панели перед ним пульсировало последнее уведомление — то самое, которое только что разослала Система по всем секторам Пантеона.

Он сделал это. Кодекс Слабостей стал частью игры.

Часть 4. Эффект разорвавшейся бомбы

Реакция последовала незамедлительно. Арт, всё ещё подключённый к общему каналу связи, начал принимать сообщения со всех концов Пантеона. Его интерфейс заполнился входящими запросами, комментариями, паническими докладами. Хаос, который он посеял, распространился по миру быстрее, чем любая чума.

Из сектора 3-Дельта пришло сообщение от гильдии «Железный Кулак» — одной из сильнейших фракций на сервере. Их лидер, игрок 92-го уровня по имени Грэйв, публично объявил награду за голову Архитектора: «Тот, кто посмел обнародовать слабости элиты, умрёт самой мучительной смертью». Его угроза, однако, была немедленно подхвачена волной насмешек от низкоуровневых игроков, которые впервые получили оружие против своих угнетателей.

Из сектора 5-Альфа сообщили о начавшейся гражданской войне. Тамошний диктатор, державший свой сектор в страхе благодаря уникальному магическому навыку, был свергнут в течение часа после публикации Кодекса. Его слабость — уязвимость к проклятиям на основе железа, о которой не знал никто, — стала известна всем его врагам одновременно. Он был убит толпой, даже не успев понять, что произошло.

Из сектора 9-Омега пришёл отчёт о массовом восстании контрактников. Сотни игроков, годами работавших на своих хозяев за гроши, прочитали Кодекс и поняли, что их угнетатели — не боги, а простые смертные с простыми слабостями. Восстание было жестоким, кровавым, но успешным. Сектор 9-Омега стал первым в истории Пантеона, полностью управляемым советом равных.

Арт просматривал эти сообщения одно за другим, и его лицо оставалось холодным и отстранённым. «Анестезия» надёжно блокировала любые эмоции, которые могли бы возникнуть при осознании масштаба того, что он сделал. Но где-то глубоко внутри, на том уровне, который не поддавался системным протоколам, он чувствовал... что? Гордость? Удовлетворение? Или, может быть, странную, извращённую печаль? Он не мог определить. Но он знал, что его наследие теперь необратимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.